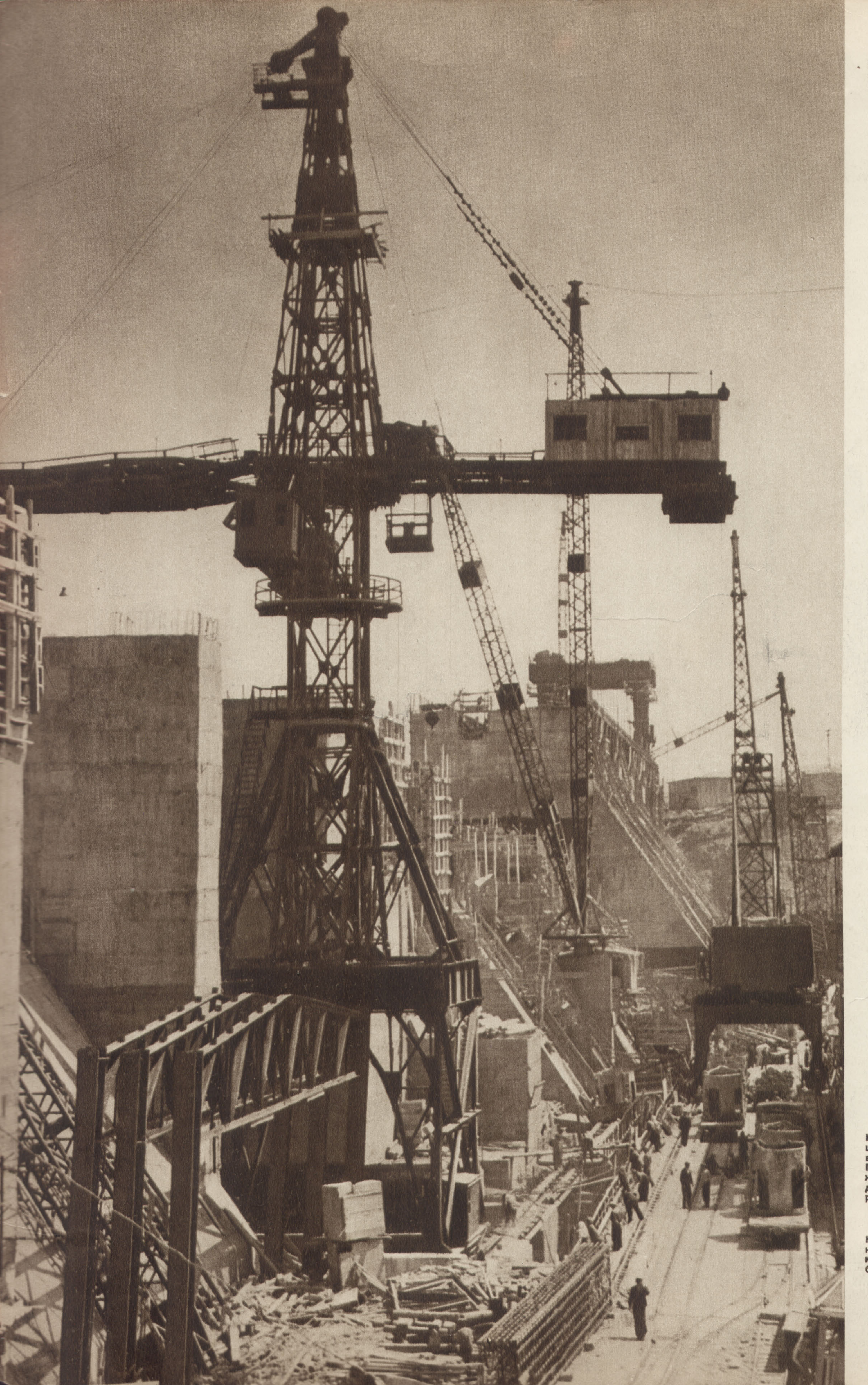

ОГОНЁК
№ 47 НОЯБРЬ 1952
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

На одном из участков строительства Усть-Каменогорской гидроэлектростанции на Иртыше.

Фото И. Будневича (ТАСС)

На первой странице обложки: Тяжело в ученье — легко в бою! Гвардии младший сержант В. Агапов — командир одного из лучших расчетов Н-ской гвардейской части.

На последней странице обложки: Командир орудия проводит беседу со своим расчетом.

Фото Г. Макарова и А. Становова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 47(1328)
16 НОЯБРЯ 1952

30-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва, 7 ноября 1952 года. Демонстрация трудящихся на Красной площади.

Фото А. Устинова и Ф. Кислова, Д. Бальтерманца и А. Гостева

Президиум торжественного заседания Московского Совета 6 ноября 1952 года. На снимке (слева направо): товарищи М. З. Сабуров, А. И. Микоян, М. Г. Первухин, В. М. Молотов, П. К. Пономаренко, Г. М. Маленков, М. А. Суслов, Л. П. Берия, И. В. Сталин, М. Ф. Шкирятов, Л. М. Каганович, Н. А. Булганин, Н. А. Михайлов, Н. М. Пегов, Н. С. Хрущев, А. Б. Аристов, Н. Г. Игнатов, Н. М. Шверник, М. А. Яснов, В. В. Кузнецов, И. В. Капитонов, Е. А. Фурцева, З. В. Миронова, В. В. Гришин и А. М. Пузанов.

Фото Ф. Кислова и А. Устинова

ВЕЛИКИЙ ПРАЗДНИК

Торжественно отмечал советский народ знаменательную дату — 35-летие Великой Октябрьской социалистической революции. За минувшие три с половиной десятилетия на территории бывшей царской России построено социалистическое общество, советские люди вступили в период постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Октябрьские празднества прошли под знаком исторических решений, принятых XIX съездом Коммунистической партии, решений, воплотивших победоносную теорию марксизма-ленинизма, обогащенную накануне съезда классическим трудом нашего вождя и учителя товарища Сталина.

Торжественные заседания и собрания, парады и массовые демонстрации служили ярким выражением всенародного патриотического подъема, сплоченности миллионов советских тружеников вокруг Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза, вокруг гениального зодчего коммунизма товарища Сталина.

Как и всегда, в эти праздничные дни сердца и мысли советских людей были обращены к столице Родины, к Москве, туда, где перед великим вождем Сталиным проходило ликующее народное шествие, где на традиционном параде демонстрировалась оборонная мощь нашей страны.

Вечером 6 ноября, когда открывалось торжественное заседание Московского Совета, вся необъятная наша Родина присоединилась к восторженным рукоплесканиям, встретившим появление в президиуме вождя партии и народа товарища Сталина. Подлинные чувства и настроения советского народа были выражены в словах товарища М. Г. Первухина: «Товарищ Сталин свыше четверти века после смерти великого Ленина уверенно ведет нашу партию и советский народ по неизведанным путям строительства новой коммунистической жизни. Вот почему так безгранично доверие трудящихся нашей страны и всего мира к мудрому сталинскому руководству, так сильна их вера в политику Коммунистической партии, в гений Сталина. Вот почему так велика любовь советского народа и трудящихся всего мира к товарищу Сталину».

7 ноября утром вся страна прислушивалась к позывным Москвы. Торжественная тишина Красной площади сменилась шквалом оваций. На трибуну ленинского мавзолея поднимается товарищ Сталин, окруженный ближайшими соратниками. Какой взволнованной сердечностью полна встреча народа со своим любимым вождем! С какой отцовской теплотой приветствует товарищ Сталин собравшихся на парад!

...Окончен объезд войск. На здравицу, провозглашенную Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко, войска ответили дружным «ура».

Незабываемо зрелище Октябрьского парада. С того мгновения, когда на площадь вступили слушатели Краснознаменной ордена Ленина и ордена Суворова первой степени Военной академии имени М. В. Фрунзе, перед присутствующими проходит величественная демонстрация могущества социалистического государства.

Площадь пересекают курсанты Московского Краснознаменного пехотного училища имени Верховного Совета РСФСР — и в памяти возникают первые дни советской власти: тогда по указанию В. И. Ленина и И. В. Сталина было создано это училище.

Гвардейская стрелковая Таманская Краснознаменная ордена Суворова дивизия имени М. И. Калинина... Гвардейская Краснознаменная ордена Ленина Кантемировская танковая дивизия... В них воплощены героические подвиги и исторические победы, одержанные Советской Армией в борьбе с врагами...

На страже мира и безопасности нашей Родины стоят Вооруженные Силы Советского Союза, и поджигателям войны следовало бы знать, что Советское государство способно ответить на удар агрессоров сокрушительным ударом.

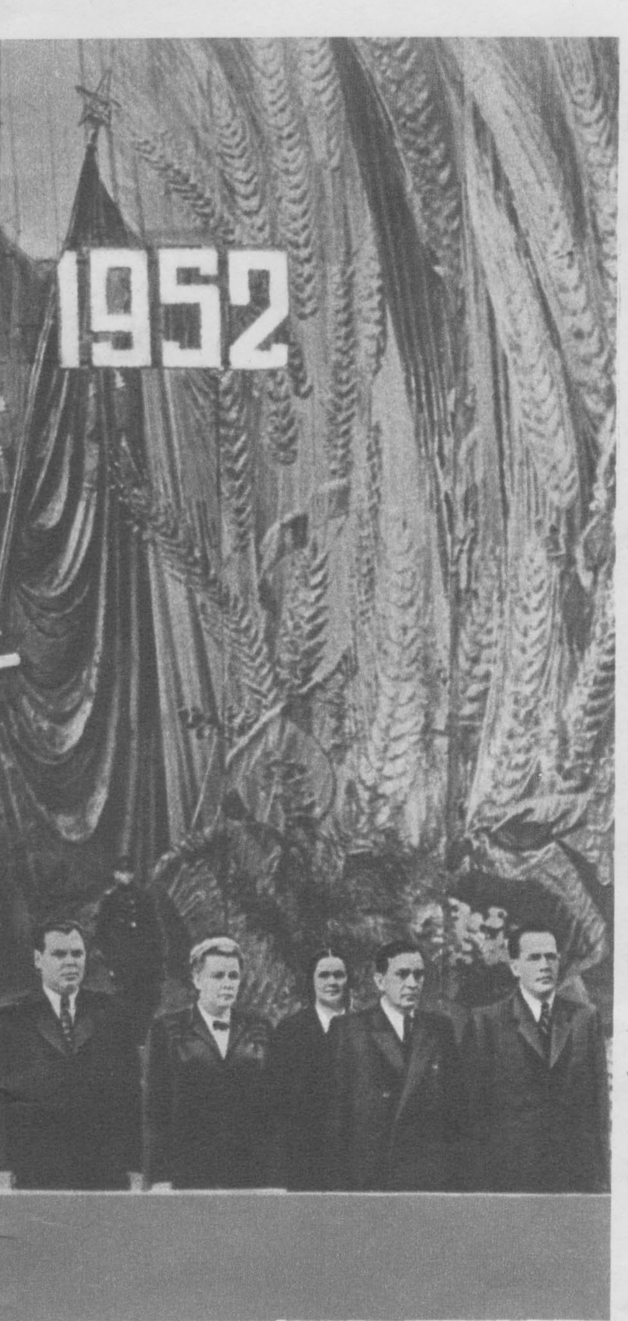
...Начинается народное шествие. Глубокий смысл в том, что знаменосцем демонстрации выступает московский рабочий Иван Туртанов, один из миллионов советских людей, занятых мирным созидательным трудом.

Вслед за десятитысячной колонной физкультурников на площадь вступают трудящиеся Москвы. Тысячи стягов и транспарантов, единодушные возгласы — все проникнуто любовью к своей родной, закаленной в боях партии, к товарищу Сталину.

В праздничном украшении колонн отражены задания пятого пятилетнего плана. Ярко представлены машины, которые сберегают труд общества, облегчают труд рабочих. Люди, идущие в заводских рядах, — это новые рабочие, это — живое воплощение процесса исчезновения существенного различия между умственным и физическим трудом.

Электромашины, станки, оборудование для гидроэлектростанций и каналов — не перечесть всех видов продукции, выпускаемой московскими заводами. Как не вспомнить, что советская крупная промышленность в настоящее время каждые 9 дней производит столько продукции, сколько производилось в России накануне Октябрьской социалистической революции в течение целого года, а наши электростанции за один месяц вырабатывают теперь столько электроэнергии, сколько электростанции дореволюционной России в течение пяти лет!

В многочисленных панно и картинах то и де-

ло мелькают знакомые контуры московских высотных зданий. Давно ли мы видели только их макеты, а в нынешнем году участники демонстрации проходят мимо законченных гигантов на Смоленской площади, на Котельнической набережной, у Красных ворот...

По площади идет полная сил и уверенности в своем будущем молодежь — учащиеся высших учебных заведений. В 103 московских вузах обучается 270 тысяч студентов — больше, чем в Англии и Франции, вместе взятых.

Октябрьская демонстрация с новой силой показала непреклонную решимость советского народа сплачивать могучий демократический фронт, бороться за мир, разоблачать все происки поджигателей войны.

«Ударная бригада» мирового революционного и рабочего движения, как всегда, оправдывает надежды трудящихся всего земного шара.

В результате героической победы советского народа в Великой Отечественной войне страны с населением свыше 600 миллионов человек порвали с капитализмом и вместе с Советским Союзом создали нерушимый лагерь демократии и социализма. Участники Октябрьской демонстрации горячо приветствовали тружеников Чехословакии, Польши, Румынии, Венгрии, Болгарии, Албании, переживающих огромный подъем во всех областях народного хозяйства и культуры. «Братский привет героическому корейскому народу, мужественно отстаивающему свободу и независимость своей Родины в борьбе против иноземных захватчиков!» — этот Октябрьский призыв повторялся из колонны в колонну. Искренней дружбой с Китайской Народной Республикой, положившей конец господству империалистов и успешно строящей новую жизнь, проникнуты плакаты и призывы, с которыми вышли советские люди на Октябрьскую демонстрацию. Они обращались со словами привета к Германской Демократической Республике. Участники демонстрации слали братский привет труженикам капиталистических стран.

Празднование 35-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции во всех городах и селах Советского Союза вылилось в могучую демонстрацию нерушимого единства советских людей, их сплоченности вокруг партии Ленина — Сталина, их готовности выполнить исторические решения XIX съезда коммунистической партии, сталинскую программу борьбы за построение коммунизма.

ПРАЗДНИЧНАЯ МОСКВА

ГЛАЗАМИ НАШИХ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСТЕЙ

Редакция журнала «Огонек» обратилась к некоторым членам зарубежных делегаций, прибывших в Москву на празднование тридцать пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, с просьбой высказать свое впечатление о параде и демонстрации 7 ноября на Красной площади.

Ниже публикуем их ответы.

И. КАСИО ВИЛЛЕГАС,

член Всемирного Совета Мира от Мексики, врач

Я много слышал о военных парадах и демонстрациях в Москве, и вот 7 ноября наступил день, когда я стою на трибуне, рядом с мавзолеем Ленина, и перед моими глазами разворачивается величественная картина.

В первой части празднества мы увидели Советскую Армию, и каждый, мне думается, отметил ее высокую дисциплину и организованность. Я видел на параде, а затем и демонстрации много сильных и энергичных людей, объединенных с правительством одной идеей, одним желанием. Я видел преданность и любовь всех этих людей к Иосифу Виссарионовичу Сталину, жизнью и работой которого я всегда восхищался, так же как восхищаются ими миллионы и миллионы людей за рубежами вашей страны.

Я стоял на трибуне и думал о том, каких великих побед добилась Октябрьская революция за сравнительно небольшой промежуток времени, как неизмеримо улучшилась жизнь народа во всех отношениях и как сказочно изменился облик вашей великой страны.

Генерал Э. ПЕТИ,

вице-президент общества «Франция — СССР»

Я в Москве не первый раз. Что больше всего поражает человека, приехавшего в советскую столицу? Размах градостроительных работ, большое планомерное строительство жилых массивов. В Москве появилось много новых деревьев, много новых автомашин, троллейбусов. В последний раз я был в Москве два года назад. За это время произошли новые перемены. Люди лучше одеты, богаче становится страна, и богаче становятся ее граждане.

Я посетил жилые кварталы, которые во время моих предыдущих посещений только закладывались. Они уже выстроены, эти кварталы, и, что удивительнее всего, стройка здесь продолжается — новые кварталы растут ввысь и вширь.

Я немного опасался, что параду помешает выпавший накануне снег. Но утром снега не оказалось: за ночь его убрали машины, — и парад прошел с полным блеском.

Парад продолжался всего 50 минут. Раньше здесь мне приходилось видеть парады более длительные, но никогда я не видел на Красной площади так мало пеших войск. Парад оставляет сильное впечатление своей необыкновенной организованностью. Солдаты следовали по площади с оружием и без оружия в блестящем порядке. Глядя на них, я обратился к своим коллегам, прибывшим из Франции, и сказал, что в нашей стране только военная школа Сен-Сир добивалась такого порядка при марше.

Хотя, как я уже говорил, парады на Красной площади для меня не новое зрелище, мне хочется отметить то, что особенно понравилось, — чрезвычайную пунктуальность и точность.

Демонстрация трудящихся, начавшаяся вслед за парадом, была ярким проявлением любви и глубокой преданности советских людей идеям Октябрьской революции и товарищу Сталину.

Характерной особенностью этой демонстрации было желание мира и в то же время спокойствие и уверенность в своих силах.

ФЛОРЕС АМАДОР,

журналист из Никарагуа

Огромная любовь советского народа к Сталину, желание крепить свой советский строй явились для меня еще одним объяснением экономических и политических успехов СССР, которые достигнуты в последние годы и которые радуют каждого честного человека за рубежами вашей страны.

Когда я смотрел на проходящие по Красной площади войска и колонны трудящихся, я думал, что это единство армии и народа — великолепный залог победы коммунизма в СССР.

Меня взволновало и обрадовало заявление Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко, особенно в той части, где он говорит, что Советский Союз имеет все необходимое, чтобы отразить любую попытку агрессоров нарушить мирный труд советских людей.

Но самую большую радость мне доставило то, что я видел великого вождя народов товарища Сталина.

МА МА ЛЕЙ и ДЖИ ДЖИ ВИН,

члены делегации Бирмано-Советского общества культурных связей

Из всего, что мы, делегаты Бирмы, видели в Москве 7 ноября 1952 года, наибольший след оставила мощь Советской страны, продемонстрированная на параде. Эта мощь и сила служит делу мира. Нам никогда не приходилось видеть чего-либо подобного. Конечно, всем нам запомнилась демонстрация, пронизанная идеями дружбы между всеми народами мира.

Мы читали немало книг и видели немало фильмов о вашей стране. Теперь мы сами, собственными глазами, убедились в том великом прогрессе, которого добилась ваша страна.

ГЕОРГ СКАРАБЕЛЛИ,

рабочий, член итальянской делегации

На меня лично наибольшее впечатление произвел не парад — мы и так знаем, как сильна Советская Армия, — а встреча с народом, его энтузиазм, его ликование, его безмерная любовь к Советской родине, к товарищу Сталину.

Меня вдохновило чувство интернационализма, которое витало на Красной площади, над рядами демонстрантов. Во время демонстрации я видел на трибунах гостей из Германии. Советские люди их сердечно приветствовали, и со всех сторон мы слышали слова: «Мир! Дружба! Сталин!»

Двадцать пять лет я мечтал о том, чтобы хоть одним глазком, хоть на мгновение увидеть Москву, ее народ и любимого вождя Сталина. И вот я на Красной площади. Я восхищаюсь великодушием и силой русского человека и думаю о моей родной Италии, о ее завтрашнем дне, который я хотел бы видеть таким же счастливым, как сегодняшний день вашей страны

Вечером 7 ноября на Красной площади в Москве.

Фото Б. Вдовенко

На трибуне мавзолея 7 ноября 1952 года. Слева направо: товарищи М. С. Малинин, Н. Е. Басистый, П. Ф. Жигарев, С. М. Буденный, Л. А. Говоров, А. М. Василевский, Н. А. Булганин, И. В. Сталин, С. К. Тимошенко, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. С. Хрущев, Л. М. Каганович, В. М. Молотов, Н. М. Шверник, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, А. И. Микоян, П. К. Пономаренко, М. А. Суслов, М. Ф. Шкирятов, А. Б. Аристов, Н. М. Пегов, Л. И. Брежнев.

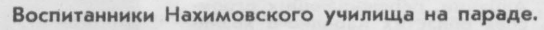
Фото Ф. Кислова и А. Устинова

Маршал Советского Союза С. К. Тимошенко объезжает войска.

Проходят танки...

По Красной площади идет пехота.

Воспитанники Нахимовского училища на параде.

Идут физкультурники...

Гости Москвы — члены корейской делегации — на Красной площади.
Фото Д. Бальтерманца и А. Гостева

Ленинград. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади.
Фото И. Фетисова

Киев. Трудящиеся на демонстрации.

Сталинград. Сводная колонна знаменосцев на улице Мира.

Вильнюс. Трудящиеся Сталинского района на демонстрации.
Фото М. Мельника и В. Сычева, А. Маклецова, Л. Мейнерта и Л. Морозова (ТАСС)

ПОВЕСТЬ ДОПИСАНА ЖИЗНЬЮ

С. МОРОЗОВ **Фото Я. РЮМКИНА**
Специальные корреспонденты «Огонька»

Сцена из спектакля «Земля» в Черновицком драматическом театре.
Фото А. Антошко

— Из-за земли убил Савва Михайлу... Чтобы владеть землей, брат поднял руку на брата! — с мукой и гневом шепчет старый крестьянин Ивоника Федорчук, вглядываясь в мертвое лицо старшего сына.

Озаренное тусклым светом погребальных свечей, тело Михайлы лежит на столе. В безысходной горести застыли у изголовья мать убитого Мария и его возлюбленная Анна. Отвернувшись, прячет глаза убийца, младший в семье, Савва Федорчук.

Сцена эта — одна из наиболее запоминающихся в спектакле «Земля», поставленном Черновицким драматическим театром по одноименной повести украинской писательницы Ольги Кобылянской. В основу произведения положены события действительной жизни: в конце прошлого века в селе Дымка, близ Черновиц, крестьянин Савва Жижиян из-за надела земли убил своего брата. Современный советский зритель с волнением следит за развитием действия. Воскрешается страшная трагедия буковинских крестьян, задавленных нуждой.

Происходящие на сцене события близки и понятны молодежи, сидящей в одной из лож. Юношам и девушкам — учащимся областной сельскохозяйственной школы — хорошо памятны помещичье-капиталистические порядки на землях Буковины. Комсомолку Анну Дещук не могут не трогать страдания героини пьесы, батрачки Анны. Такой же обездоленной и бесправной помнит себя Анна Дещук. С малолетства пошла она на заработки к богатеям; не удалось даже закончить начальную школу.

Знакомо зрителям и место действия — небольшое буковинское село Дымка, где жила и творила украинская писательница Ольга Кобылянская. Из Дымки по путевке колхоза имени Ольги Кобылянской приехала в город на учебу знатная звеньевая Анна Дещук.

Село Дымка упоминалось с трибуны XIX съезда партии.

Побываем же и мы в этом селе. Познакомимся с односельчанами Анны Дещук — потомками тех крестьян, которых мы только что видели на сцене. И как продолжение повести, дописанной самой жизнью, пройдут перед нами дела и дни молодого колхоза на Буковине.

«...Ровные поля напоминали бы степь, если бы они не прерывались местами и не скрывались из глаз, уходя в неглубокие ложбины... Здесь... и там... и там — раскинулось село».

Строки, которыми начинает О. Кобылянская свое произведение «Земля», точно передают особенности пейзажа в предгорьях Карпат. На пологих, по-осеннему желтых холмах белые мазанки разбросаны поодаль одна от другой. Издали, когда подъезжаешь к Дымке, село выглядит как множество разобщенных крохотных хуторков.

В одной из хат, стоящей между кукурузным полем и опушкой реденького леска, живет Иван Саввич Жижиян, чей отец — братоубийца — был выведен О. Кобылянской в повести под именем Саввы Федорчука.

Одним из первых вступив в колхоз, созданный четыре года назад в селе Дымка, И. С. Жижиян сказал: «И вот она, та земля, из-за которой волком смотрел сосед на соседа, поднимал руку брат на брата... Времена, когда земля была злой мачехой крестьянина, отошли в прошлое. Сейчас для нас всех она стала родной матерью...»

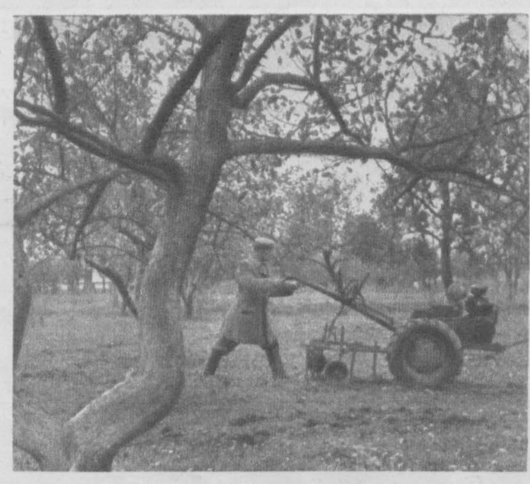
Да, недавно еще около каждой хаты лепились узенькие полоски единоличников. А сегодня, куда ни глянь, простираются сплошные массивы колхозной земли. Уверенной поступью победителя шествует по буковинской земле мощный советский трактор.

Глубоко врезаются в землю лемехи многокорпусных плугов, поднимая пласты жирного, веками слежавшегося чернозема. Никогда прежде не могли пахать на такую глубину буковинские крестьяне своими деревянными сохами.

А на соседнем поле, приминая поблекшую, уже прихваченную первыми заморозками ботву, работает новая, впервые пришедшая в Дымку машина — картофелекопатель. Тяжелый, кропотливый труд тридцати человек выполняет он. В колхозном саду рыхлит почву миниатюрный садово-огородный трактор — «сотик», как любовно зовут его колхозники.

«Челябинск», «Рязань», «Казань», «Владимир»,— читают буковинские селяне на заводских марках машин. Словно вся Советская страна помогает труженикам небольшого прикарпатского села.

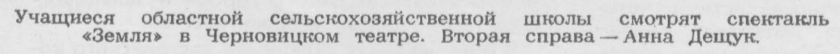

Осенние работы в колхозном саду.

На полях колхоза имени О. Кобылянской. Трактор поднимает зябь.

Учащиеся областной сельскохозяйственной школы смотрят спектакль «Земля» в Черновицком театре. Вторая справа — Анна Дещук.

Иван Саввич Жижиян в гостях у сына Георгия.

Пшеница, кукуруза, картофель, сахарная свекла... За четыре года существования колхоза имени Ольги Кобылянской урожайность этих культур возросла в два — три раза. Более чем вдвое увеличились неделимые фонды артели. На широком лугу за селом выросли просторные постройки животноводческих ферм. Год от года увеличивается поголовье лошадей, рогатого скота, овец, свиней.

Отличный молодняк выращивает старший конюх колхоза Гавриил Константинович Дещук. Всю свою жизнь провел старик в батраках, а теперь, на седьмом десятке, больше всех односельчан зарабатывает трудодней.

Портреты отца и дочери Дещук красуются на колхозной Доске почета.

Трудовыми делами славится в Дымке и семья Жижиян.

— Отца своего я стыдился, а сыном горжусь, — говорит старший в семье — шестидесятичетырехлетний Иван Саввич.

Отец Ивана — Савва — окончил свои дни в эмиграции в Канаде. Там же, за океаном, несколько лет бедствовал в поисках заработка и Иван. Голодным оборвышем встретил его по возвращении в Дымку маленький сынишка Георгий. Ныне Георгий Иванович Жижиян — руководитель передового звена, собирающего самые высокие в колхозе урожаи картофеля. Жена Георгия — Доминика — комсомолка, вожатая пионеротряда при сельской школе. Молодые супруги выстроили себе новый дом в центре села. Совсем недавно появился в этом доме еще один жилец — самый маленький в роду Жижиянов. Редкий день не заходит Иван Саввич поиграть с внуком.

В Дымке, где недавно еще больше половины жителей не знало грамоты, растет своя, народная интеллигенция. Пионервожатая Доминика Жижиян учится на заочном отделении педагогического училища. Колхозный счетовод Николай Сандуляк окончил курсы бухгалтеров. Диплом учительского института получила дочь бедняка Серафима Руснак. Сейчас Серафима Ивановна заведует учебной частью Дымковской школы-семилетки и преподает географию в старших классах.

Двухэтажное, сверкающее белизной здание школы высится посреди села. Рядом закладывается фундамент нового корпуса. В будущем году семилетка преобразуется в полную среднюю школу. Тесноват стал для колхозников и старый клуб — новый собираются строить.

Уже протянулись в Дымку радиотрансляционные линии из районного центра. Скоро появится в хатах и электричество. Сооружаемая неподалеку межколхозная ГЭС даст сюда ток.

Единой, дружной семьей живут в колхозе крестьяне Дымки — честные труженики и полноправные хозяева земли. Вперед, в завтрашний день, в коммунистическое будущее, устремлены их помыслы и их дела.

Серафима Ивановна Руснак ведет урок географии в Дымкинской школе-семилетке.

По вечерам, после работы, колхозные активисты собираются у парторга Ксении Михайловны Лысенко почитать свежие газеты, потолковать о жизни родной страны, о новостях из-за рубежа. На снимке: К. М. Лысенко читает газету односельчанам.

АВСТРИИ НУЖЕН МИР

Профессор Г. БРАНДВЕЙНЕР,
член Всемирного Совета Мира

Иностранца, приехавшего на короткое время в Австрию и посетившего ее столицу Вену, ожидает множество самых противоречивых впечатлений.

Перед ним богато разукрашенные магазины с самыми дорогими импортными товарами из многих стран земного шара. На улице он может увидеть новенькие американские автомобили. В первоклассных ресторанах ему предложат бесконечное меню из самых изысканных блюд. На Кертнерштрассе, на Ринге и на Грабене[1] он окажется в толпе людей, одетых в нарочито щеголеватые костюмы, порой возбуждающие сомнение в солидности их обладателей. В венских театрах ему покажут хорошие спектакли. То там, то тут он заметит роскошные здания новых торговых домов или виллу какого-нибудь биржевого посредника, разбогатевшего уже после 1945 года. Он может, наконец, поехать в Гринциг[2], пить там традиционное молодое вино и заказать жареных цыплят, как во времена императрицы Марии-Терезии.

Короче говоря, иностранцу на первый взгляд может показаться, что Вена — воплощение беззаботного, утонченного времяпрепровождения. Но пусть он приглядится повнимательнее и тогда заметит, что, например, Венская государственная опера, разбомбленная американской авиацией в 1945 году, не восстановлена до сегодняшнего дня. Он узнает, что артисты венского Бургтеатра, лучшего драматического театра нашей страны, вынуждены ставить свои спектакли в помещении какого-то варьете, потому что собственное прекрасное здание театра на Ринге также было разрушено и не восстановлено до сих пор. Он увидит, что внешность трудящихся Вены резко контрастирует с фланирующими по центру города разодетыми бездельниками; и это не мудрено: к осени этого года в Австрии было свыше 100 тысяч безработных, и есть опасение, что зимой их станет втрое больше.

Для подавляющего большинства населения побывать в театре — неразрешимая проблема. Стоимость жизни чрезвычайно высока, и все, кто не принадлежит к привилегированным классам торговцев и предпринимателей, постоянно обременены тяжелыми бытовыми заботами.

В деревне благоденствует лишь сравнительно небольшая кучка крупных помещиков и кулаков, в то время как масса мелких крестьян и громадная армия батраков живут и работают в невероятно тяжелых условиях.

До сих пор продолжается оккупация страны, и это, конечно, не улучшает положения Австрии. Австрия разделена на четыре оккупационные зоны. В южных частях страны находятся войска Великобритании, в западных — Франции, в северо-западных — Соединенных Штатов Америки и в восточной — Советского Союза. Столица Австрии Вена, находящаяся в советской зоне оккупации, так же, как и Берлин, разделена на четыре сектора. Но в отличие от Берлина там создана еще международная зона, охватывающая так называемый внутренний город. Там управление каждый месяц поочередно передается одной из оккупирующих держав. Эта еще действующая — или, как нам, австрийцам, следовало бы сказать, к счастью, еще действующая — система четырехстороннего контроля позволяет венцам наблюдать уже ставшее анахронизмом зрелище: четыре солдата в разных мундирах сидят в одном, украшенном флагами четырех оккупационных держав автомобиле и разъезжают по улицам внутреннего города, чтобы, помимо венской полиции, наблюдать за спокойствием и порядком.

Серьезному наблюдателю сразу бросается в глаза чрезвычайно неустойчивое политическое положение в стране. Австрией формально должны совместно управлять четыре великие державы. Как известно, решения Союзнического совета для Австрии являются действительными только при согласии на то всех четырех сторон; но согласие это в важных вопросах в связи с позицией, занятой тремя западными державами, достигается очень редко. Вот почему австрийское правительство играет на деле бо́льшую роль, чем это могло бы казаться по букве союзнического соглашения.

Правительство держится на так называемой коалиции двух самых больших партий страны. Одна из них — Народная партия, в которой объединена большая часть крестьянства и часть интеллигенции, по своему служебному положению зависимой от правительства. На деле эта партия выражает в основном интересы крупных промышленников, средних предпринимателей, помещиков и в особенности господствующей в деревне католической церкви. Вторая партия — так называемая социалистическая партия Австрии. Обе партии и во внешней и во внутренней политике проводят откровенный проамериканский, точнее говоря, угодливый по отношению к американцам, курс. Все члены правительства принадлежат к одной из этих двух партий, президент является членом социалистической партии. Коммунистическая партия Австрии вместе с небольшой левосоциалистической партией располагает всего 5 мандатами в парламенте. Поэтому правительству легко протащить любой антирабочий и реакционный закон. И это тем более, что так называемые простые законы (то есть неконституционные) не требуют единодушного одобрения Союзнического совета и лишь тогда не вступают в силу, когда все верховные комиссары единодушно отклонят их. Таким образом, американцы с помощью австрийского правительства имеют возможность открыто проводить политику милитаризации Западной Австрии.

Движению сторонников мира в Австрии удалось дважды пробить брешь в этом установившемся соотношении сил. Более 900 тысяч австрийцев поставили свои подписи под Стокгольмским воззванием, а также и под Обращением о заключении Пакта Мира между пятью великими державами. Крупным успехом движения за мир в Западной Австрии можно считать то, что борьбу против военного строительства в центре американской оккупационной зоны — городе Зальцбурге — ведет теперь не только австрийский Совет Мира, но также и муниципалитет самого города и зальцбургское провинциальное правительство.

В этих условиях включение австрийского вопроса в повестку дня текущей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций вызывает серьезную озабоченность у многих австрийских патриотов. Принятие государственного договора для Австрии, который, за исключением некоторых статей, уже полностью подготовлен, постоянно затягивается из-за позиции, занятой австрийским правительством и Соединенными Штатами Америки. В последнее время все чаще раздаются голоса из-за океана, что-де стратегические позиции американцев в Австрии не должны быть оставлены и что это якобы «в интересах европейской безопасности». Пытались заменить государственный договор так называемым сокращенным договором. Однако Советский Союз в своих нотах показал недавно, что этот новый американский проект не содержит абсолютно никаких гарантий демократического развития Австрии. А такие гарантии настоятельно необходимы, тем более что у Австрии в настоящее время нет общепризнанной действующей конституции. Совсем недавно советский верховный комиссар в своем заявлении напомнил, что фактически действующая ныне в Австрии конституция 1929 года уже была использована однажды для того, чтобы уничтожить демократию и установить фашистский режим в Австрии.

Спокойствие, внешне царящее в Австрии, обманчиво. Оно таит в себе опасность грозных конфликтов. К сожалению, этого не в состоянии еще осознать некоторые слои австрийской интеллигенции, хоть они и чувствуют смутно, что обстановка требует от них какого-то определенного решения.

Есть много австрийцев, которые живут надеждой, что положение в конце концов улучшится. Но эти надежды останутся беспочвенными до тех пор, пока австрийский канцлер будет позволять себе произносить в Америке речи о том, что Австрия является «бастионом против Востока», пока австрийский министр иностранных дел будет заявлять, что австрийская проблема должна быть в случае необходимости разрешена с помощью насилия и именно путем интервенции войск Объединенных Наций!

Нет, Австрия не бастион против Востока! Австрия — страна, которая отчасти по собственной вине пострадала в недавно окончившейся войне. Она может пострадать в будущем еще больше, если силы мира не сумеют предотвратить эту угрозу. Перед лицом этой действительно угрожающей ситуации глаза всех честных австрийцев обращаются к предстоящему Конгрессу народов в защиту мира, который откроется в Вене в декабре 1952 года.

Этот конгресс должен проложить новые пути к сохранению мира. Тем самым он будет содействовать и облегчению положения Австрии, народ которой стремится к тому, чтобы вновь стать независимым и свободным.

Перевод с немецкого.

[1] Бульвары и улицы в центре Вены.
[2] Пригород Вены.

Обычная сцена у австрийского парламента. Полиция разгоняет демонстрацию трудящихся Вены, протестующих против очередного повышения квартирной платы.

В. И. Суриков. СТАРИК НА ОГОРОДЕ. 1870-е ГОДЫ.

Государственный Русский музей. Ленинград.

В. И. Суриков. ВИД ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I НА СЕНАТСКОЙ ПЛОЩАДИ В ПЕТЕРБУРГЕ. 1870 ГОД. Государственный Русский музей. Ленинград.

Работы В. И. Сурикова

В сентябре 1870 года В. И. Суриков, учившийся в Петербурге, в Академии художеств, сообщал родным:

«Теперь пишу картину, думаю поставить на годичную выставку у нас в Академии. Картина эта изображает Исаакиевский собор и памятник Петру Великому при лунном освещении. Она у меня выходит довольно удачно, и многие художники отзываются о ней в мою пользу».

Картина Сурикова показывалась на выставке и имела заслуженный успех. Двадцатидвухлетний художник сумел волнующе передать своеобразную красоту Петербурга. Много лет спустя, в 1913 году, Суриков вспоминал: «Первая моя собственная картина была: памятник Петра I при лунном освещении. Я долго ходил на Сенатскую площадь — наблюдал. Там фонари тогда рядом горели, и на лошади блики».

Оригинал произведения хранится в Красноярском музее, а вариант — в Государственном Русском музее, в Ленинграде.

Сюжет этого произведения выбран Суриковым не случайно. В годы учения в Академии Василий Иванович проявлял большой интерес к личности Петра I. В 1872 году Суриков участвовал в Московской политехнической выставке, организованной по случаю двухсотлетия со дня рождения Петра. Показанный на этой выставке рисунок Сурикова «Петр Великий перетаскивает суда из Онежского залива в Онежское озеро для завоевания крепости Нотенбурга (ныне Шлиссельбурга) у шведов» поступил незадолго до Великой Отечественной войны в Русский музей. Позднее были разысканы литографические отпечатки с целого ряда других суриковских рисунков на темы жизни Петра. Интерес Сурикова к эпохе Петра сказался и в создании первой знаменитой картины художника — «Утро стрелецкой казни».

Мы воспроизводим здесь портретные работы великого мастера. Чудесная акварель «С гитарой» — жанровое изображение С. А. Кропоткиной, сестры жены художника. Портрет же сторожа-огородника перерастает в картину. Этот дед былинностью своего облика близок творчеству Сурикова, изображавшего силу народную. Исследователи суриковского наследия всегда обращали особенное внимание на то, как написаны руки старика: «Трудовые руки, и тяжелое ружье державшие, и хомуты чинившие, и десятки — сотни лаптей переплетшие... Вообще, суриковские трудовые руки... это целая поэма о мощи народной...»

В сегодняшнем номере публикуется как первая самостоятельная вещь Сурикова, так и его последнее значительное произведение — «Степан Разин». Долгое время критика недооценивала эту картину по тем причинам, что, закончив ее в 1907 году, Суриков впоследствии не раз возвращался к разинскому образу. Однако здесь следует говорить лишь о необычайной взыскательности художника, о его требовательности к своему искусству.

Первый эскиз «Разина» был сделан еще в 1887 году, во время окончания работы над «Боярыней Морозовой». Возможно, что после «Морозовой» Суриков собирался писать «Разина», но смерть любимой жены круто изменила жизнь художника. Он уехал в Сибирь, там написал «Взятие снежного городка», за ним последовало «Покорение Сибири Ермаком», и к теме Разина живописец вернулся только в 1903 году.

То, что над «Разиным» Суриков работал и в 1905 году, весьма примечательно. Именно в это время сделал он и сатирический акварельный лист, на котором изобразил фигурки полицейского, священника и купца, подписав: «Основы самодержавия». Не случайно Суриков отказался от первоначального замысла — изображения Разина с персидской княжной — и показал его со своими соратниками. Повидимому, художник хотел отобразить не внешние события из разинской биографии, а создать тот образ, который он сам характеризует словами: «Сегодня я лоб писал Степану; правда, теперь гораздо больше думы в нем?» Владеет Разиным большая дума о своем народе, о судьбах народных.

Е. ХМЕЛЬНОВ

На Нижней Тунгуске.

В краю Эвенкийском

Казимир ЛИСОВСКИЙ

Фото Ю. Бармина

Если взглянуть на карту Красноярского края, то сразу увидишь, что почти треть его занимает Эвенкийский национальный округ — край охотников и следопытов, край непроходимых таежных чащ и быстрых, порожистых рек. Зеленым морем дремучей тайги окружены бесконечные цепи хребтов. Мохнатые, бурые, цвета медвежьей шкуры, они угрюмо стоят, словно охраняя пути в край эвенков. На их вершинах белеют снега.

Минувшим летом мы совершили путешествие по Эвенкийскому округу.

Все время петляя, юркой змеей извивается Нижняя Тунгуска, самая большая река Эвенкии. Трудно встретить более живописную и в то же время более суровую и своенравную реку. На Большом пороге такое сильное встречное течение, что и восьмисотсильный буксирный теплоход еле-еле справляется с ним. Плавание здесь сопряжено с большими трудностями. Надо отлично знать не только общий фарватер реки, но и каждый камень, каждый выступ. К чести енисейских речников следует сказать, что они отлично справляются с этими трудностями.

Каждое лето теплоходы доставляют жителям далекого национального округа — зверобоям, оленеводам — годовой запас продуктов и промышленных товаров. А давно ли Нижняя Тунгуска считалась несудоходной!

Уверенно преодолевая яростное сопротивление коварной реки, смело движется вперед, в Туру, к центру Эвенкийского национального округа, комсомольско-молодежный буксирный теплоход «Иван Земнухов». Он тянет за собой караван из пяти барж.

Вот и Большой порог...

С двух сторон нависли серые скалы, а между ними бьется, кипит, клокочет ледяная вода Нижней Тунгуски.

Расчалив караван, теплоход ведет через порог сначала три баржи, а потом остальные две. Толстый трос натянут туго, как струна. Добавлены обороты винта. И, тем не менее, судно с трудом справляется с бешеным течением реки. Иногда кажется, что теплоход стоит на месте. Зорко всматривается вдаль капитан теплохода лауреат Сталинской премии Владимир Георгиевич Сербаев. Впереди самый трудный участок пути...

На шестые сутки плавания показываются озаренные оранжевым светом незакатного солнца маленькие домики Тутончан, по старинке именуемых факторией.

Человеку, никогда не бывавшему на Севере, при слове «фактория» невольно представляются две — три подслеповатые избушки, одиноко прилепившиеся к берегу, радист, пушник — вот и все население.

Иной стала фактория в советское время.

...Как только наша шлюпка достигла берега и мы сошли на желтый, усыпанный крупной галькой песок, первое, что довелось нам услышать, был вопрос:

— Локомобиль нам привезли?

Это спрашивал молодой эвенк — председатель Кочумдекского кочевого совета Владимир Петрович Полигус. Прочно вошла в быт некогда забитого и угнетенного народа передовая советская культура, советская техника! Полигус познакомил нас с председателем колхоза «Победа» Ефимом Васильевичем Арбатским, и втроем мы направились к фактории.

На высоком живописном берегу реки правильными рядами выстроились избушки. Их более тридцати. Около многих из них разбиты огороды. За избушками сквозь тонкие стволы невысоких берез видны остроконечные очертания чумов. Несколько сот человек живет на фактории Тутончаны.

Гордость колхоза — звероводческая ферма. Здесь выращиваются серебристо-черные лисицы.

Нас приветливо встречает Матрена Федоровна Удыгир. Невысокая, смуглая, она показывает обитателей фермы. Матрена Федоровна — повариха зверофермы, изо дня в день готовит она пищу своим «воспитанникам». А лисицы на редкость разборчивы и требовательны.

Матрена Федоровна — и отличный охотник. Как только наступает зима, она берет ружье, кличет Соболя — большую, пушистую

Караван на Нижней Тунгуске.

лайку — и отправляется на охоту. За один квартал охотничьего сезона она добыла 345 белок и 6 соболей.

Издалека доносится заливистый лай собак, звон колокольчика-ботала. Это на противоположном берегу реки Тутончаны пастухи пригнали оленье стадо на водопой. Оленей так много, что вдоль берега на добрые полкилометра как бы вырос густой кустарник из ветвистых оленьих рогов.

Оленьи стада — основное богатство здешних колхозов. Тутончанский колхоз «Победа», имеющий более 3 700 оленей, — один из самых крупных и богатых колхозов Эвенкийского национального округа.

Труд эвенков-пастухов поистине героический. В колхозе рассказывают о пастухе Матвее Кирилловиче Удыгире. Иногда приходится ему ехать по нескольку сот километров на санях или верхом, пробираться сквозь непролазные чащи, бурелом, через болота и трясины в метель и дождь к своим стадам. Оленеводческие бригады находятся далеко от колхоза. Связь с ними чрезвычайно затруднена. Исполком Илимпийского райсовета решил установить передвижные радиостанции в оленеводческих бригадах.

* * *

Мы сидим в чуме замечательного тутончанского охотника Якова Антоновича Чапогира. Он только что вернулся со строительства двухквартирного дома, где временно работает плотником.

Наш взгляд останавливается на ученической тетрадке, заткнутой за один из шестов, поддерживающих чум.

— У вас дети учатся, Яков Антонович?

— Нет, это моя тетрадь, — говорит он, немного смущаясь.

На обложке крупными буквами написано: «Тетрадь ученика подготовительного класса вечерней школы для взрослых Якова Антоновича Чапогира».

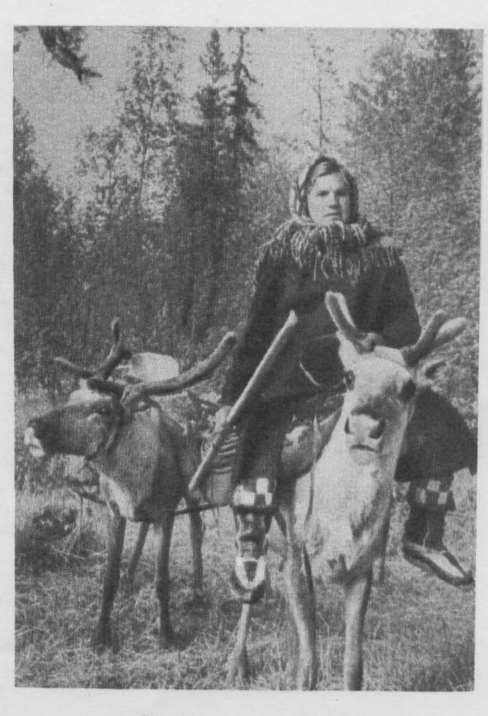
Наш гостеприимный хозяин, как и многие другие колхозники-эвенки, в свободные от работы часы учится.

Огромную тягу к культуре, к знаниям можно наблюдать в Тутончанах. Библиотека насчитывает 3 325 томов. В этом году приобретено новых книг на несколько тысяч рублей.

На фактории есть еще одна библиотека — передвижная. Она принадлежит красному чуму, этой своеобразной избе-читальне на Крайнем Севере. Три девушки-комсомолки работают в чуме: Вера Корешникова — заведующая, Надя Нахай — массовик и Лиза Балакирева — медицинский работник. Самой старшей из них, Наде Нахай, двадцать два года.

Все они приехали из разных мест. Высокая, розовощекая Вера Корешникова — из Минусинска. Там она окончила двухгодичную школу культпросветработников. Надя Нахай — из Ачинска, где она училась в библиотечном техникуме. Маленькая Лиза Балакирева приехала издалека, из города Иванова, где окончила двухгодичную фельдшерско-акушерскую школу.

Девушки — пропагандисты и агитаторы, чтецы газет и журналов в охотничьих и оленеводческих бригадах. Надя Нахай учит эвенков грамоте. Лиза Балакирева приучает к гигиене в быту. Если женщине приходится рожать в тайге, а везти ее на факторию слишком далеко, Лиза сама принимает роды, объясняет матери, как пеленать ребенка, кормить, содержать его в чистоте и тепле, уберечь от болезней.

Надя Нахай спешит в оленеводческую бригаду.

Матрена Федоровна Удыгир и ее питомцы.

Внимательно слушают пастухи комсомолку Веру Корешникову...

Нелегко на первых порах пришлось девушкам. Надо было научиться управлять аргишом (несколько оленьих упряжек), ездить летом верхом на олене, правильно ориентироваться в незнакомой местности. Нужно было свыкнуться с полукочевой жизнью, морозами и метелями. В месяц дней десять, не больше, девушки бывают дома. Все остальное время — в разъездах.

Несколько лет назад на фактории открылся детский сад. Радостно смотреть на этих смуглых, крепких детишек! Все для них делает колхоз. Дети одеты в новые платья, костюмы. Недавно из магазина привезли им игрушки. Сгрудившись вокруг стола, малыши с удивлением рассматривали игрушечный паровоз. Еще бы! Ведь они никогда не видели его. Но пройдут годы — и не игрушечный, а настоящий паровоз повезет многих из них на учебу в Москву, Ленинград, в другие города страны.

* * *

Над вершинами хребтов поднималось солнце. Его лучи постепенно освещали зеленые воды Нижней Тунгуски, правый берег, а затем и всю факторию. Наступало утро нового трудового дня.

Доброе утро!..

К берегу Тутончан причаливал буксирный пароход «Амур». Он привез жителям фактории продукты, промышленные товары. У заранее подготовленных мостков собрались все здешние жители.

Капитан теплохода «Амур» Владимир Никанорович Савченко крепко пожимал руки северянам. Он был доволен: груз доставлен во-время. Из баржи выгружали эвенки на берег долгожданный локомобиль. Наконец-то! Теперь будет в Тутончанах и электрический свет.

Утро все ярче разгорается над далекой северной факторией, над всем необъятным таежным эвенкийским краем.

БРАТЬЯ-АРТИЛЛЕРИСТЫ

Приказ артиллеристы получили вечером. Смысл его всем был ясен — любой ценой прикрыть подступы к высоте. Расчетом командовал гвардии младший сержант Николай Ладкин. Молодой паренек, смелый и сметливый, прослывший мастером артиллерийского огня, быстро определил танкоопасное направление — откуда следует ожидать гитлеровцев.

Во тьме бойцы устанавливали и маскировали орудие, готовясь отбить атаку. Она началась на рассвете. Фашистские танки ринулись на высоту именно оттуда, откуда их ждал Ладкин. И вот уже слышна знакомая солдатам команда — огонь! Запылали передние машины. Гитлеровцы, обнаружив позицию советских артиллеристов, сосредоточили на ней огонь своих танков и самоходных артиллерийских установок. Завязался тяжелый и неравный бой. Смертью храбрых пали все бойцы расчета. В живых оставался лишь командир. Но вскоре ранило и его. И тем не менее он продолжал вести огонь, подбив еще несколько танков.

Фашисты не прошли. Хозяевами высоты остались советские воины. Они удержали ее ценой своей жизни. Последним погиб Николай Ладкин. Президиум Верховного Совета СССР посмертно присвоил гвардии младшему сержанту звание Героя Советского Союза.

Миновали годы. Но нетленна бессмертная слава героя. Не забыли советские артиллеристы о подвиге русского человека, мужественно сражавшегося с гитлеровскими танками.

В каждой комнате политпросветработы артиллерийской части, в которой служил Николай Ладкин, увидишь красочно оформленный стенд с описанием памятного боя за высоту. У одного из этих стендов мы застали двух молодых артиллеристов, пристально рассматривавших портрет героя.

— Братья Ладкины,— сказал наш спутник.

В расчете, которым когда-то командовал Николай Ладкин, служат теперь его младшие братья: Павел — наводчиком, Василий — заряжающим. Они настойчиво овладевают военными и политическими знаниями. И когда настал час первой серьезной проверки их воинской выучки и мастерства — артиллерийских стрельб,— братья Ладкины заслужили высокую оценку командира. Это была первая благодарность, полученная ими на военной службе.

...В эти дни в части предпраздничный подъем: 19 ноября — День артиллерии. Достойно встречают его в славной семье советских артиллеристов молодые воины Павел и Василий Ладкины, преемники боевой славы старшего брата-героя.

Гвардии старший лейтенант **А. ШЕВЧИК**

На занятиях по огневой службе. Командир орудия гвардии сержант Н. Коваль (стоит) тренирует братьев Василия (в центре) и Павла Ладкиных.

Фото лейтенанта В. Гжельского

Всесоюзный научно-исследовательский институт чая и субтропических культур.

Старшие научные сотрудники, кандидаты сельскохозяйственных наук Ш. С. Гигиберия (слева) и М. Л. Бзиава осматривают молодые побеги чая, заложенные на склонах гор.

Фото С. Короткова

Институт в Анасеули

Анасеули — это большой научный городок с опытными полями и фабрикой, с вегетационными домиками и механическими мастерскими. Он раскинулся в стороне от железнодорожных магистралей, на красноземах самого «чайного» в Грузии Махарадзевского района. Здесь помещается Всесоюзный институт чая и субтропических культур.

В тридцатых годах, когда создавался институт, в нашей стране лишь начиналось промышленное развитие чая, и казалось, что дальше узкой полосы Причерноморья он не пойдет. Теперь плантации чая покрыли почти всю площадь Колхидской низменности, распространились выше, по долинам горных рек, перешагнули за Сурамский перевал, в восточную часть республики. Чай появился и в Азербайджане, и в Краснодарском крае, и в Закарпатье.

Да и сам чай уже не тот, что раньше. Недавно в институте закончилась работа по выведению селекционных сортов нового высококачественного чая — «Грузинский № 1» и «Грузинский № 2»; за это труд доктора сельскохозяйственных наук селекционера К. Е. Бахтадзе отмечен Сталинской премией первой степени.

Разведчики новых чайных земель и селекционеры работают над тем, чтоб продвинуть эту теплолюбивую и влаголюбивую культуру в новые районы, приучить её к морозам и засухам. Там, где чайный куст уже прочно «прижился», ученые стараются сделать его богаче, поднять урожайность.

На территории института стоят вегетационные домики из стекла. Здесь растения живут в кадках и горшках. Днем их выкатывают на платформах подышать свежим воздухом, ночью держат «дома». Растения поят питательными соками, насыщают их всевозможными фаршами из минеральных удобрений. Маленькие проростки чая, посаженные нынешней весной в чистый песок, питаются специальными растворами, стекающими по трубке из бутылей.

Можно сказать, что вегетационные домики — это «детский сад», а опытные поля — «школа». На самом высоком участке опытных плантаций идет наблюдение над разными вариантами питания почвы. Один из вариантов дал небывалую цифру урожая — 11 600 килограммов с гектара.

Поведение чайного куста изучается в различных условиях. Филиал в Зугдиди — это чайный север. В Чакви самые старые закладки плантаций. В Поти, на участке, расположенном ниже уровня моря, занимаются вопросами агромелиорации. В Закарпатье, в самом молодом опорном пункте института, закладываются основы будущего закарпатского чая.

Но вот чай выращен. Его надо собрать, переработать. Непочатый край работы у механизаторов — научных сотрудников института. Они подготавливают материалы для конструкторов новой чаесборочной машины. Скоро первая в мире чаесборочная машина появится на советских чайных плантациях.

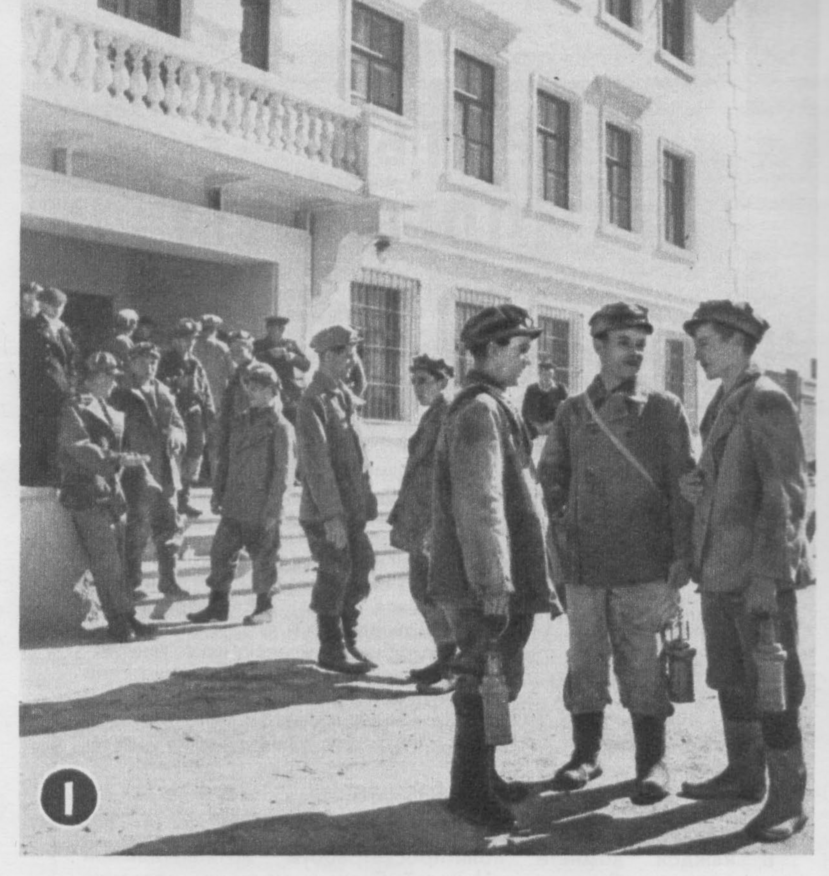
Известно, как напряженно трудятся на чайных фабриках в сезон сбора чайного листа. Зеленый лист не лежит ни одного дня. Его сразу же надо пускать в переработку. И в месяцы-пик фабрики едва справляются с «зеленым наводнением».

На Анасеульской чайной фабрике нам показали экспериментальный цех, созданный лишь в нынешнем году. Здесь в специальном холодильнике изучают режим хранения зеленого чайного листа при различных низких температурах. Лист лежит на полках в течение десяти дней и не теряет своих качеств.

Плодотворно трудятся люди в Анасеули.

И. МЕСХИ

У МАСТЕРОВ СЛАНЦА

Вдоль дороги на десятки километров тянутся поля волнующихся на ветру хлебов, мелькают сосновые и березовые перелески, то и дело попадаются уютные, запрятавшиеся в кустах сирени и жасмина хутора.

За поворотом вдруг, сразу, всем своим необозримым синим простором появляется море. На побережье — терриконики, высокие заводские трубы, белые массивы новых городов и поселков. Это Прибалтийский сланцевый бассейн.

В истории русской геологической науки первые сведения о сланцах как о горючем материале мелькают в 1725, 1789, 1873 годах. Известно, что в первую мировую войну, когда прекратился подвоз угля из Англии, усилилась разведка сланцев, а летом 1916 года около деревни Тюрпсаль было найдено богатое месторождение сланцев. В 1917 году здесь был построен крупный рудник, перешедший затем эстонскому буржуазному правительству. Эстонская буржуазия не в силах была самостоятельно начать эксплуатацию сланцевых залежей и отдала их в концессию шведским, английским и немецким капиталистам. Сланец шел на топливо и на выгонку сланцевого масла.

Ныне по сравнению с 1939 годом шахты выдают на-гора́ гораздо больше сланца. Сланец идет не только на топливо и масло. Советские сланцевики вырабатывают из него более двадцати видов продукции...

Мощным пластом залегает сланец по побережью Балтийского моря, то отступая к суше, то подходя к самой морской водне. Запасы его огромны — их хватит на много сотен лет.

В пятую сталинскую пятилетку намечено увеличить производство сланцев в 2,3 раза, особенно в Эстонской ССР.

Побываем же у мастеров сланца, посмотрим, как они живут, трудятся, отдыхают.

1 Дождь омыл золотую листву низкорослых березок, и в каплях росы отразились тысячи маленьких солнц. За поворотом дороги, над кустарниками, открывается белое здание шахты № 10. Первую вагонетку сланца отсюда выдали четыре года назад. С тех пор здесь добыты миллионы тонн сланца.

Перед началом смены шахтеры обычно задерживаются у входа в нарядное, украшенное балюстрадами и лепными карнизами надземное здание своей шахты. Можно покурить, поговорить с друзьями... Мы присутствовали при встрече друзей: лучшего врубмашиниста шахты Георгия Ивановича Коршунова, помощника врубмашиниста Сергея Павловича Кузнецова и молодого бурильщика Юхана Лахесоо (на первом плане — слева направо). Это знатные люди десятой шахты, победители социалистического соревнования, лучшие из тех, кому присвоено звание мастера угля.

— Шахта полностью механизирована,— говорит Сергей Павлович Кузнецов.— Кое-кто из нас поработал в свое время обушком и лопатой, а теперь в шахте врубовые машины, скребковые и ленточные транспортеры, электровозы. Советскому шахтеру нужны знания, он должен техникой владеть.

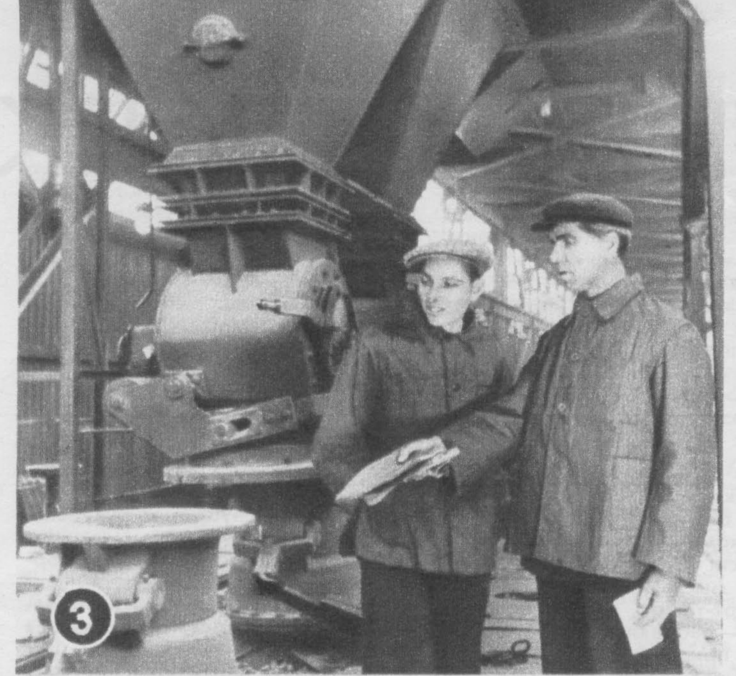
2 До старой шахты, расположенной в поселке Кукрузе, не так давно нужно было добираться по ухабистым, вязким проселкам; теперь здесь проложены широкие асфальтированные дороги. Еще весной 1945 года на холме стоял десяток покосившихся деревянных домиков, окруженных березовой рощей. Год спустя на месте домиков и рощи раскинулась огромная строительная площадка.

Теперь нет покосившихся домиков. На холме возник белый город. Он очень хорош здесь, в краю непогоды и туманов, где люди испокон веков строили дома из тяжелого серого камня или дерева, сразу черневших от дождей. Новый Кукрузе похож на южный городок: белые домики сбегают с холма вниз прямыми улицами, в палисадниках цветут мальвы и левкои, веселые подсолнухи стоят рядами у крылечек.

Шахта «Кукрузе» первой в бассейне перешла на квершлажный метод: «С-153» грузит в вагонетку и сланец и породу, вагонетка заполняется в одну минуту. Затем происходит сортировка — сланец отвозят к поверхности шахты, а породу выбрасывают в поле.

Машинистом углепогрузочной машины «С-153» работает Виктор Матвиенко (слева) — юноша в чистом комбинезоне с карманом, туго набитым блокнотами. И он и его помощники Виктор Сепман и Эдуард Веленг (справа) получили техническое образование: Матвиенко закончил курсы машинистов, Сепман и Веленг — горнопромышленную школу.

Приближается конец смены, в штреках слышатся смех и шутки. Люди, управляя машинами, не знают и не узнают больше тяжелой шахтерской усталости.

3 На шахте «Вивиконд» сланец залегает совсем близко к поверхности. Добыча здесь идет в открытом карьере.

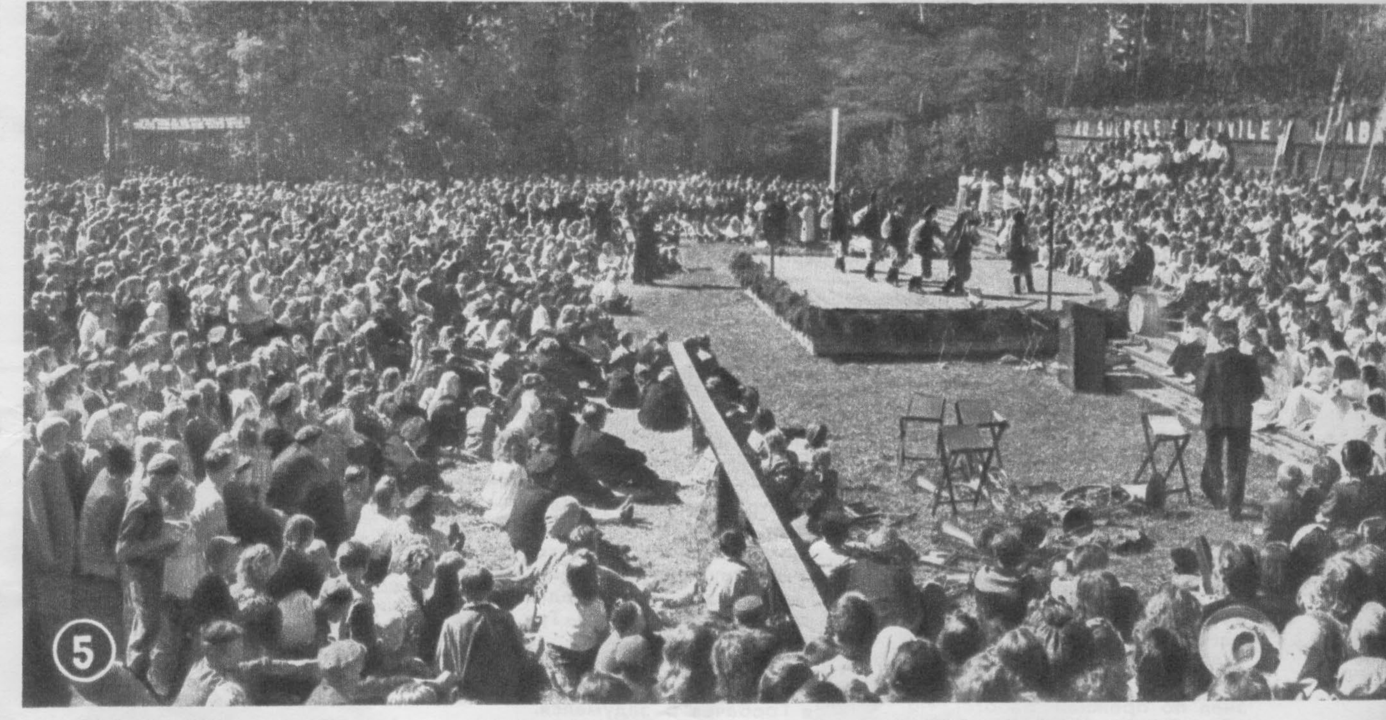
«Мы на чистом воздухе, среди сосновых лесов и песков, как на курорте»,— шутят шахтеры «Вивиконда».

Высоко над сосновыми рощами плавно передвигается огромная стрела шагающего экскаватора, ковш его легко загребает тяжелые груды земли. А ведь было время, когда этим занимались землекопы, и шутки у них были тогда другие. «Сами себе могилу роем здесь»,— говорили они не без оснований.

Бо́льшая часть добытого за сутки сланца со всех шахт стекается в город газовщиков Кохтла-Ярве. Он идет на сланцеперерабатывающий комбинат, где превращается в бензин и мазут, в фенолы и лаки, на газовый завод.

На заводе трудятся рабочие высокой квалификации.

Арнольд Тиитсам (на снимке слева), слесарь печного цеха, учился у опытного мастера Николая Ивановича Никитина. Теперь он работает самостоятельно, но частенько приходит к Николаю Ивановичу за советом.

4 Многих рабочих мы застали в Онтике, в заводском профилактории. Путевки сюда рабочие получают на месяц. После окончания рабочего дня автобус привозит их в белый санаторий, стоящий на крутом берегу Финского залива, в старом тенистом парке.

За границей и сейчас газовое производство считается одним из самых вредных. Газосланцевый завод в Кохтла-Ярве с его амбулаторией, больницей, профилакторием, с хорошо поставленной техникой безопасности — пример заботы о здоровье рабочего в Советской стране.

5 Утром воскресного дня из Кохтла-Ярве, Кивиыли, из Йыхви, Сомпа и Ахтме вереницы автомашин шли в Тойла, на певческий праздник. Певческая площадка с эстрадой расположена на гладкой полянке, в окружении высоких стройных сосен.

В полусотне метров над обрывом неумолчно шумит море. Темнозеленое у горизонта, оно стремительно несет к берегу пенящиеся белыми гребнями волны. Шуршит галька, звенят покосившиеся от морских ветров сосны, волны поют свою вечную песню. И вдруг в этот привычный шум врываются новые звуки: люди большого, мужественного труда запевают о мире, о его знаменосце — великом Сталине, о столице советской земли — Москве. Они поют русские, белорусские, узбекские, грузинские, эстонские песни, вихрем носятся в народных плясках.

До поздней ночи звенят над морем песни советских шахтеров.

6 В двух километрах от завода, отделенный зеленой зоной, раскинулся главный город сланцевого бассейна — Кохтла-Ярве. Семь лет назад здесь был небольшой поселок с несколькими десятками домов, весной и осенью утопавший в липкой жидкой грязи. Его окружали поросшие можжевельником пустыри.

Нынешний Кохтла-Ярве так же не похож на бывший закоптелый поселок, как не похожи теперь на измученных тяжелым трудом сланцевиков рабочие советского газового завода и сланцевого комбината, вечерами заполняющие аллеи молодого города, его кинотеатр и клубы.

Н. ХРАБРОВА

Фото Е. Умнова.

ЧЕТЫРЕ СТРОЧКИ

Рассказ

Георгий **РАДОВ**

Рисунки В. Высоцкого

I

Секретарь горкома Андрей Николаевич Горбачев готовился к докладу на слете стахановцев.

Он был новичком в городе: всего полтора месяца назад приехал сюда из партийной школы. И хотя все эти шесть недель он посвятил знакомству с городом и его людьми и успел побывать на заводах, фабриках, в паровозном депо и принял десятки людей у себя в горкоме, он чувствовал, что еще не настолько знает людей и их дела, чтобы говорить о них свободно. И ему не удавался доклад.

Горбачев собирался говорить о людях, и его злили подготовленные помощниками и аккуратно подшитые таблицы, справки, докладные записки, газетные вырезки, сквозь которые проступали только неясные силуэты людей, но не видно было ни их лиц, ни их живых взглядов, и уж, конечно, не видно было ни их привычек, ни талантов, ни склонностей, ни семейных связей, ни того, с кем они дружат и с кем ссорятся, ни того, что они любят, а чего нет, ни сотни других черточек, которые привык улавливать Горбачев в каждом известном ему человеке.

— Цифры, цифры, проценты! — морщился Горбачев, листая бумаги.

Ах, если бы ему предстояло сказать о тех людях, которых он знал по прежней работе! Но те люди были далеко. Они работали на большом, известном стране старом заводе, где вырос Горбачев, где стал он секретарем цеховой организации, потом председательствовал в завкоме, а перед школой три года был секретарем парткома. Он жил и рос с ними, они всегда были на виду, и Горбачев знал их и любил и понимал, что его тоже знают и любят.

«Не привык к масштабу, — рассуждал про себя Горбачев, вчитываясь в бумаги. — Секретарь горкома! Может, ему и не положено так хорошо знать всех людей, как то положено заводским работникам? Может, хватит ему одних фамилий, процентов и кратких характеристик?»

Но как ни удобна была эта мысль, он гнал ее от себя. И, откладывая в сторону папки, брал в руки тонкую записную книжечку, куда заносил все, что успел увидеть в городе за эти первые недели. Записи были коротки, отрывочны, непонятны постороннему глазу, но Горбачеву было приятно разбирать их: за каждой фамилией стояло живое лицо человека, с которым он уже успел встретиться и поговорить.

«Ага, что-то подходящее»,— обрадовался он, заметив на одной из страничек запись: «К докладу. О воспитании». Слова эти были подчеркнуты, под ними стояло всего две фамилии и две цифры: «Тимченко — 280, Колесник —260». Первая фамилия была обведена кружочком, а от нее шла стрелка к надписи: «Стахановец учит жить. Развить мысль. Передовица».

— Чорт-те что, кабалистика какая-то! — засмеялся Горбачев, но тотчас припомнил, когда была сделана эта запись и что она значила.

Это было на прошлой неделе. С редактором городской газеты он ездил на Машиностроительный, провел там полдня и действительно подсказал редактору тему передовицы. И тот, кажется, поместил ее...

— Павел Евгеньевич! — позвал Горбачев помощника. — Была передовица о воспитании стахановцев? Что-то я ее не припомню.

— Была, была, — успокоил его помощник. — Вон она, в папке. Верные мысли.

— Верно, а скуповато! — сказал Горбачев, прочитав статью. — Верно, что, обучая рядовых людей своему опыту, стахановец прививает им и свои взгляды и отношение к делу, что он учит их жить на свете строго и правильно. Это верно, а скуповато! — повторил он. — Тут бы раскрыть механику воспитания! Механику! — прищелкнул он пальцами.

— Так это ж передовица, — вступился помощник. — Тут важна мысль...

— Мысль-то мысль, да мне-то не одна она требуется,— улыбнулся Горбачев и задумался.

...Они уже выходили с завода, когда директор сказал:

— А ведь главных-то стахановцев не повидали. Нехорошо!

Председатель завкома тут же стал рассказывать о них, о расточниках. Он говорил бойко, гладко, заученно, точно экскурсовод в музее, а директор только поддакивал:

— Да-да. Отличные. Тимченко — этот построже, Колесник — побойчее, а хорошие оба!

— А токарей сколько Тимченко выучил! — сказал председатель завкома.

— И все стахановцы? — живо спросил редактор.

— А отчего же им не быть стахановцами? — удивился председатель.— С кем поведешься, от того и наберешься. Учитель-то каков! Человек передовой. Токарь кадровый. Из фронтовиков. Нынче вон рационализатором стал... Да вот сами увидите.

Они застали обоих расточников: один пожилой, горбоносый, стоял у поблескивающего хромированными стойками станка. Он стоял так, как стаивают у калиток деревенские женщины, — скрестив на груди руки и опустив голову. Во всей его фигуре было что-то расслабленное. Другой возле белого шкафчика надевал халат. Круглое моложавое лицо, точно цветочной пылью, было обсыпано веснушками. Здороваясь, он подал твердую, тоже веснушчатую руку, сказал:

— Здравствуйте, товарищ Горбачев. Я Колесник.

— Тимченко, — косясь на председателя завкома, представился первый расточник.

Секретарь парткома стал рассказывать о станке, но Горбачев объяснил, что знает эти станки, и спросил у старшего расточника:

— Так это вы столько хороших людей выучили? И товарищ Колесник вашей школы? Ну, поздравляю! Наверно, пришлось повозиться?

— Хорошие, хорошие, — невпопад сказал Тимченко и глянул на напарника.

А тот уже надел халат и куском замши протирал стекло микроскопа.

— Не догнали учителя? — задорно спросил редактор.

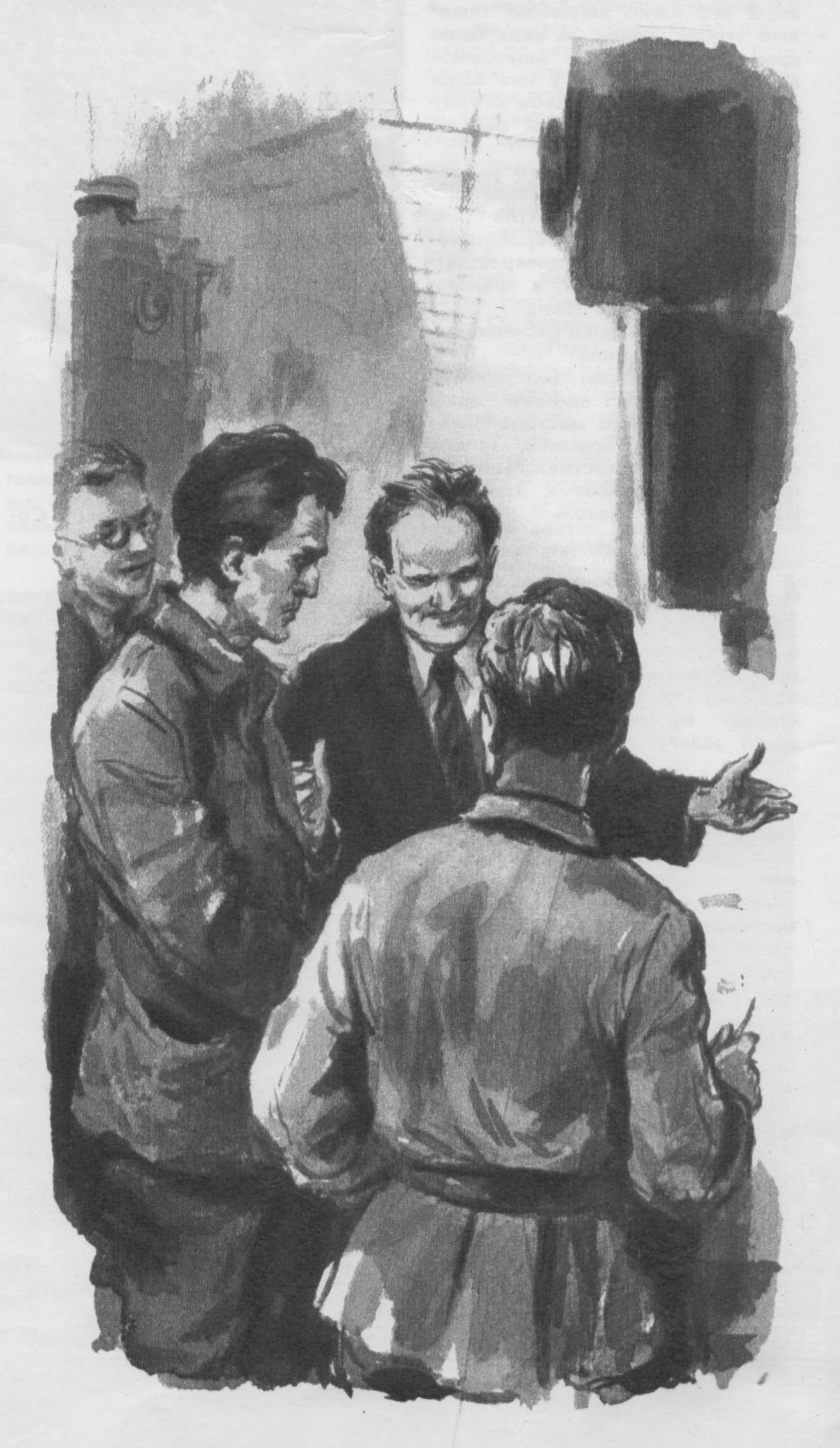
— Пробую, — просто ответил Колесник.

— О, они тут так соревнуются!— подхватил председатель завкома.

Старший расточник с укоризной посмотрел на него, и Горбачев отметил: «Скромен».

Они еще несколько минут говорили о станке, о токарях, бывших учениках Тимченко, о том, можно или нет на этом станке вводить скоростные режимы.

— Нет, тут другое, — качнул головой молодой. — Тут главная по-

теря — на подготовку. Ее надо сжимать...

Садясь в машину, Горбачев высказал редактору свою мысль, и они всю дорогу говорили о ней, а подъехав к горкому, Горбачев уточнил у редактора фамилии расточников и их показатели и занес в книжечку.

«Да, неурожайный вышел разговор», — сказал про себя Горбачев и с досадой подумал, что хотя и видел обоих расточников и говорил с ними, но мало, совсем мало узнал о них.

Он еще раз просмотрел передовицу. Там среди фамилий стахановцев и их знатных учеников упоминались и Тимченко и Колесник.

«Известный стахановец Тимченко выучил 19 токарей и одного расточника. Все они передовые люди завода, а Алексей Колесник на городской Доске почета. И не удивительно: Тимченко, передавая свой опыт, прививал им и свои взгляды на труд, учил жить».

— Механики, механики не заметили! — повторил Горбачев, прикидывая, что ничего не может прибавить к этим четырем строчкам. — Павел Евгеньевич! — обернулся он к помощнику. — Вот что, Павел Евгеньевич, узнайте, в какой смене этот Тимченко и... не сможет ли он зайти ко мне. Да, да, завтра, когда будет свободен...

Проводив помощника, он весело потер руки. Кажется, еще была возможность «раскрыть механику» и пополнить доклад интересным примером.

— Учил жить! — повторил он понравившееся выражение и прошелся по кабинету...

II

— Это вы насчет статьи? — сразу заговорил Тимченко. — Ну, да ведь и я тоже хотел зайти, просто так хотел зайти, да все не осмеливался, а вы вот, спасибо, позвали... Толковая статейка, что там говорить! А только неправильно, ох, как неправильно!..

Горбачев с любопытством смотрел на сидевшего перед ним человека. Было поздно. Расточник пришел после вечерней смены и был как тогда, на заводе: в просторной куртке из чортовой кожи и в таких же широких штанах. Но не расслабленность, как тогда, а скорей внушительность, степенность угадывались в его крупной фигуре. Он был темен лицом, горбонос, густые черные без седины волосы молодили его. А глаза смотрели настороженно, с опаской...

— Неправильно, — повторил Тимченко и добавил: — Не заслужил!

Тогда Горбачев объяснил, что готовит доклад и хочет подробней сказать об опыте воспитания стахановцев, которым так богат Тимченко.

— Опять! — горько сказал расточник.

— Что опять? — спросил Горбачев.

— А то, что опять хотите меня хвалить! — горячо сказал Тимченко. — И как же это бывает, господи! Один раз скажут, а потом повторяют, повторяют и год и два... И вот вы новый человек, а опять... — Он помолчал, вздохнул и сказал: — Не заслужил я, товарищ секретарь. Учитель по жизни! Этак ведь сказано? Не заслужил...

«Скромничает он слишком», — подумал Горбачев. Но что-то в тоне этого человека и в настороженных темных с желтизной глазах отогнало эту мысль. Горбачев придвинул к нему папиросы, сказал:

— Курите.

— Да уж закурю, — согласился расточник. — Вы извиняйте, нескладно получается — слова растерял. Когда шел, все обдумал, а сейчас не соберу слов, рассыпались...

— А вы по порядку, — улыбнулся Горбачев.

— Какой тут порядок! — махнул рукой Тимченко. — Какой порядок! — повторил он с волнением. — Вот то был бы порядок, если бы я вам сразу все высказал. В первый раз, когда вы зашли... Да где там! Не собрался. Вы ж, когда вошли, уже все знали про нас: и про меня и про Алексея. Это, простите, и тот секретарь, Семачев, что до вас был, и он зайдет, и вижу: все ему рассказали и расписали... Поздравит, похвалит и квит. Вот так и товарищ один приходил из газеты. Председатель завкома как ввел его да как стал меня восхвалять... Я его останавливаю, а товарищ смеется: «Понимаю. Скромность».

Горбачев закусил губу.

«Промаршировал! — упрекнул он себя. — Здравствуй, прощай — и в машину».

А гость осторожно затушил папиросу и заговорил спокойнее:

— Пора бы привыкнуть: хвалят не в первый раз. И, главное, перечить трудно. Оно ж, как говорится, фактически все налицо: и нормы перевыполняю, и двадцать семь лет за станком, и на фронте был, и ранение имею, и токарей учил... И Алексей — он два раза из моих рук ремесло принял... Все фактически. Все... А вот, верите, как прочитал я эти слова, «учитель по жизни», сердце зашлось. К каким людям причислили! А я не заслужил...

Он еще раз упругими пальцами притушил дымившуюся папиросу, вздохнул.

— Так, да не так оно все было в моей жизни, товарищ секретарь. Мало тут четырех строчек... Родом я местный, слободской. Это правильно: и отец, и дед, и прадед мой тут, в слободе, ковали. Своя была кузница да сгорела в двадцать третьем году. Отец на Урал подался да и помер там. А меня к токарю пристроили. Вы не здешний? Не слыхали? Амвросия Рубана? На мельнице он токарничал, на кооперативной, снесли ее теперь. Станочек у нас был по нынешним понятиям так, прялка. Ну, а тогда мы с ним на шестьдесят километров кругом соперников не знали! «Монополисты» — вспомнить чудно́. Вот тут в газете насчет взглядов написано, так у Амвросия такой был взгляд: «Попало нам счастье в руки, Федор, пользуйся: жми что можешь из этих куркулей». Это он заказчиков звал куркулями. Старой грамоты был человек.

Выучился я. Тесно нам стало на мельнице. Догадался Рубан — и на Кубань. А я так договорился с заведующим: мельничные заказы — немного их было — за жалованье делаю, ну и что со стороны, целиком мое. Поторговался он, а деться некуда: один я тут бог по токарному ремеслу. Только и выговорил себе долю... Ну, а я хоть и молод был, не проносил мимо рта ложки, охулки не клал на руки. Жал! Ох, как жал! Помню — это уж Алексей был у меня учеником, — кричит со двора:

«Дядя Федор! Там из села приехали, соломотрясный вал привезли». Махну рукой: «Обождут». Часа три выдержу заказчика на солнцепеке. Выйду. «Ну, что тут такое?» «Да вот валик...» «Вижу, что не полено. А сталь где легированная?» Оглушишь сразу и начнешь плести насчет сложности да точности. У сердяги щеки побелеют. Начну торговаться: «Сало... крупчатки мешок... гусыню на расплод... воз соломы». Ударим по рукам. Он — за платой, а я возьму болванку, сниму резцом две стружки — и вся сложность. Через три дня на полной бричке он является. «Готово?» «Да нет, не получается, вот за микрометром съезжу в Харьков». «Да, милый человек, молотилка стоит, дожди заходят, разоришь!..» Ну, уж тут я как закусил — не выпущу. Еще четвертную деньгами выторгую, тогда отдам.

Так и обходился с заказчиками. А делал им как! На дюйм длиннее, на дюйм короче — не считался. Говорил Алексею: «Да что я им, куркулям проклятым, за ихнее сало буду глаза терять? Сойдет! А не сойдет, ко мне же и привезут. Ты их не больно жалей, Алеша!»

А он, Алексей-то, моторный был хлопец. Росточком, верно, невидный, а шустрый, настырный! Сирота он, в детдоме жил, да только числился там, а днями пропадал на мельнице. То сверло мне подаст, то стружку вынесет. И все смотрит, смотрит... Понадобился подручный — взял я его к себе... Обучал правильно. Сам кое-как работал, а ему не позволял баловства. Так дойму — круги пойдут у хлопца перед глазами. «Точней, точней! — кричу. — Уедешь отсюда, спросят: кто учил?» Видите, марку свою поддерживал, авторитет... Учил и коммерции. Да где ему! Ни солидности, ни таланта. Пошлешь к заказчику; тот его, моего Алешку, с трех слов уговорит. Накричишь, бывало: «Ты что заказчиков портишь? Ишь, добрый какой!» Да что толку от крика! Не понимал... «Оно же дороже и не стоит, дя-

дя Федор, это что мы одни тут токаря». «Вот, — говорю, — и пользуйся тем, что одни. Эх, простота! Как жить будешь? Заклюют тебя, затолкают».

Года три он со мной пробыл. Вступил в комсомол. Стал книжки читать. А дело уже к колхозам шло — шумели вокруг слободы села. Да только я далеконько держался от тех дел. Своих забот хватало. А он то на десятидворке дежурит, то к кулаку с обыском, то на собрание. Спросишь: «Ну, что там, Алексей, в твоих книжках? Как оно насчет вращения жизни?» Скажет: «Куркулям скоро конец, Федор Семенович...» Не любил он их. Оно и я не жаловал, ну а он — по-своему.

А тут путевки пришли — в Москву, на заводы. Собрался он. Я не стал задерживать. Проводил. Всю обмундировку ему купил: сапоги, костюм суконный, полушубок. «Бери, Алеша, мало ли мы с тобой у этих куркулей денег перетаскали? Носи, пользуйся». Покраснел, как будто обидел я его чем. И обновки не взял. Характер был у хлопца! Сам я тоже вскорости из слободы откомандировался. Завод тут построили, кругом совхозы, МТС пооткрылись. Кончилась моя монополия. В Сибирь тронулся; лет пять по слободам да по мелким городишкам странствовал. На мельницах, в гаражах, в артелях работал. То с заведующим сойдешься, то со счетоводом. Все больше без соперников места искал, где можно и пеночку снять и прижать заказчиков. Особенно аварийные работы любил. Сломается машина — в ночь-полночь стучатся: «Выточи деталь». Видишь: положение у них безвыходное, ну и ломишь... Да не задержался и в Сибири. Только развернешься — завод рядом выстроят или прииски откроют, навезут станков. В Казахстан двинул, в пустыне токарничал. Вспомнить мерзостно: от чего бегал, безголовый? От индустриализации бегал!.. А она по пятам! Сколько раз на заводы звали — не шел. Разбаловался... Привык к дурным рублям.

Перед войной погостил у Алеши. Земляки адрес прислали, съездил. В заводском доме имел он комнату. Похвалился: «Техникум вечерний кончаю по нашему делу». На завод пропуск выхлопотал. Глянул я: станки с иголочки, цветы на окнах. Вспомнил свою прялку в сыром углу, завидки взяли: вот оно живут люди! Без хитрости, без ловкости, а как поустроились... Он уговаривает: «Оставайся, нужны тут мастера». Да нет уж: упрямство проклятое! Спрашиваю: «У вас тут, небось, дисциплина, нормы, порядок? А токарей сколько? Пятьсот, тысяча? Затеряешься среди вас, затолкаете, сомнете... Каким я тут буду? Пятьсот восемнадцатым? А там я и первый и последний... Шесть деревень за ручку здороваются!» Засмеялся он: «Только и радости: ты их обжулишь, а они за ручку... Эх ты, единоличник!.. Куркуль, хоть и у станка стоишь!»

На том и разошлись. И на завод его не проводил. К вокзалу я сам добирался. Против завода Доску почета увидел. Его карточка. Сомнение взяло: «Ишь ты, простота, простота, а выбился. Как же она, жизнь, устроена? Или прозевал я что?»

Да нет, долго не задумывался. Взял билет — и к своей прялке.

Так я и жил до войны, товарищ секретарь... Вот вам и стаж: по бумаге вроде рабочий, а жил я как? Это верно тогда Алексей сказал: единоличник... Светлая голова у хлопца, да поздненько я то заметил...

Тимченко умолк. Рука потянулась за папиросой, но он отдернул ее, встряхнулся, спросил:

— Задержал я вас? Оторвал от дел?

— Пожалуйста, пожалуйста, — перебил Горбачев.

III

То, что рассказал расточник, не удивило Горбачева. Еще у себя на заводе он когда-то встречал и не раз «единоличников», да еще порой и с книжкой ударника в кармане. Ему вспомнился один, Тимоша Соколик, — так звали в цехе низенького старичка со сладким лицом постника и праведника. «Соколик, соколик», — журчал старичок, но люди знали и видели, что он не так уж сладок и прост: хватка старого выжиги и рвача, которому и друг не друг, если дело идет о копейке, чувствовалась в его медленных, рассчитанных движениях. Вспомнился и конец Соколика: он стоял, растерянный и удивленный, перед изобличившим его рабочим собранием. Собрание гудело, сотни глаз — строгих, осуждающих — нацелились на него, и некому было сказать: «Соколик, соколик». Потом Горбачев встречал этого Соколика на паромной переправе через гулкую быструю реку на юге. Соколик осунулся, постарел. Он ехал к дочери в адыгейский аул, где та учительствовала и где старик собирался дожить век. Он все прибеднялся, жаловался на немочи, вздыхал, вспоминая неудавшуюся жизнь. Но когда паромщик, легкий парнишка с сумкой через плечо, подошел к ним, Соколик, косясь на Горбачева, достал из-за пазухи длинный кошель и долго, роясь в разглаженных кредитках, искал нужную бумажку.

Светило солнце, неслась, шумно стуча волнами о доски парома, река. Смеялись возвращавшиеся с колхозной ярмарки нарядные адыгейцы. Течение гнало по стремнине хлопья желтой глинистой пены. На крутом повороте пена прибивалась к берегу, цепляясь за коряги, торчащие из воды, но поток срывал ее с коряг, мял, рвал в мелкие клочья и снова швырял к стремнине. Таким Горбачеву и запомнилось то утро: унылый старик, роющийся в кошеле, и эта пена, желтая, пузырчатая пена на быстрой, веселой реке. И вот много лет спустя перед ним вновь сидел один из тех людей... Что-то — не то досада, не то гнев — поднялось в груди Горбачева.

«И как же тебя не вынесло на стремнину!» — с обидой подумал Горбачев. Но не спросил, сдержался, сильней сжал ладонями голову, строже посмотрел на увлекшегося рассказом расточника..

— Как я на этом заводе оказался? — продолжал тот. — А простенько: демобилизовался — и сюда, на родину, потянуло. Как говорится: «Дон-Дон, а лучше дом». Ну, и осесть пришлось. Женился, видите ли. Про это, извиняйте, тоже нужно сказать — как женился. Годами ведь себе под нрав не мог подобрать. Та упрямая, та в хозяйстве ни бельмеса не смыслит, та скупая, та бойкая, та наряжаться любит... Сам запутался, какую мне надо. А тут враз. Стал на окраине квартиру искать — а насчет этого учен, не давал промаха, — вижу, домишки ветхие, а в конце улицы веселая хата. И старенькая, а справная, забор новый. Зашел. Хозяйка немолодая, а собой хороша. Муж без вести пропавший. Пожил, присмотрелся — всем вышла. С царем в голове женщина. Говорю: «Люди мы, Антоновна, одинокие, в летах. Может, посчитаемся? Мои руки — твоя хата». Не сразу решила: «Кто их знает, твои руки? Много вас тут на дом женихов!» И это понравилось. Отвечаю: «За осторожность хвалю. А не прошибешь. Таланта насчет устройства жизни мне не занимать стать». Сыграли свадьбу. Спрашивает: «Где работать будешь?» Говорю: «Не торопи, Пелагея Антоновна. Это не замуж выходить. Расплановать надо». А что плановать-то? Славы захотелось!

— Только-то! — не удержался Горбачев. — Только славы себе, и ничего больше... Да что ж вы, глухим да слепым прожили столько лет?

— Столько лет, — машинально повторил Тимченко, и Горбачеву показалось, что он ждал этого вопроса. — Нет, не глухой я был, товарищ секретарь... Вы не думайте... Не глухой... Не волком жил: на людях. И в газеты, случалось, заглядывал, и радио слушал, и мимо досок почета ходил... И думал... Как же про то не думать?.. Перед войной-то я, ого, как жил! Работал играючи, легко работал, не утруждался... При деньгах... Одет, обут. Как того не ценить! А после войны! Это ж радость какая: народ победил, значит, думалось, опять хорошая жизнь для меня вернется... И я ж лично ничего не потерял на войне: с ногами, с руками пришел, все пули мимо пролетели... А тут, замечайте, домом обзавелся, жинкой толковой, профессия в руках. Что надо? Мира, спокойствия, чтоб никто не мешал... И это наметилось. Народ стеной за мир поднялся, — значит, выходит, и на будущие времена все за то, чтоб мне славно на свете жилось... Чего ж желать?! Все получил... А вот, говорю, славы захотелось. Оно, может, и не самой славы — это я так, не думавши, выразился... Внимания захотелось от людей, веса в народе... Понимаете? Что ж я, без соображения? Не видал людей? Все замечал... И Алешу. Не харчем одним такие на свете жили, не одни деньги их веселили...

Сошелся я как-то с жинкиным братом, с Афанасием. Не приходилось встречать? Мастеровой, как я, на железной дороге. Орден Ленина дали ему, ну и, как положено хорошему человеку, путевку на курорт. Так что ж вы думаете? Отказался. Не поехал, и все. Уж я и так и этак выспрашивал, что тут за причина. «Я, — говорит, — нужный сейчас. Месяц горячий...» Пойми его! По моей, по старой грамоте, будь он семь раз горячий, этот месяц, а если мне что положено, отдай, и квит. А он — нет. Значит, прикидываю, ему то дороже, что людям он нужный... Завидки взяли! Подумалось: жизнь доживаю, а кто скажет слово хорошее? Те заведующие, с какими я шахеры-махеры делал? Или заказчик? Кто меня знает?.. Иду по улице. Кто идет? «Тот, кто тыщи рублей получает, да в своем доме живет, да на Антоновне женатый...» Невидный аттестат... А Афанасий рядом шагает; за ним ребятишки со всей улицы: «Вон он, про него в школе говорили!» Ишь чего захотелось! Раскусил, что без этого — без веса в народе да без уважения людского — и харч не в харч и рубль за копейку идет... По другой цене человек пошел — вот что в голову стукнуло на старости лет!

...Думаете, без расчета я двинулся в путь-дорожку? То-то и совестно, что все рассчитал. Ни в артели, ни в мастерские не пошел. И на старые заводы, где уже все установилось, где своих стахановцев довольно, тоже носа не показал. «Потолкаешься, пообобьешь локти, пока там отличишься». На новый завод поступил. На такой, где еще ничего не было: ни станков, ни норм, ни порядка. Штукатуры да каменщики еще с лесов не сходили... Вот тут-то, может, первый раз в жизни и пришлось поработать с душой.

Думал: «Место новое, соберутся сюда с бору да с сосенки, одним видом, солидностью возьму среди них». Ан нет! Народ подобрался завзятый: и не закурят лишний раз и смекалку не пойдут занимать. Развернулись — за месяц пятьсот станков поставили. «Эге, — думаю, — попал, Федор, в компанию, поплюй на руки да берись». Взялся. Все доказать хотел, каков я. И сам правильно стружку снимал и ребят обучал — полтора десятка их мне, как старому токарю, дали.

Отличился. Заметили. И старания заметили. Ну, и опять же солидность. Директор вызвал: «Решили мы тебе новый станок доверить. Видал?» «Видал!» Я загодя к нему прицелился. Еще с платформы ящики сгружали, а я уже все про него знал. Станок редкостный: точность микронная, с индикатором, с микроскопом. Инженер подсказал: «На сто километров кругом нет другого такого станка». Вспомнил я мельницу, посмеялся про себя: «Времена меняются, а монополия опять в руках».

Москвич один ставил станок. Собрал, опробовал, две недели меня натаскивал. Обучил, сказал: «Считай, дядя, что я тебе только одну букву «А» сказал. Дальше сам добирай. Азбука тут длинная. Станок он сердитый, малограмотному не раскроется». «Ничего, — думаю, — мне другое раскроется. Как-нибудь и с твоей «А» проживем». Попробовал на одной «А». Получилось. Нормы выручили. Тут и я пособил нормировщикам. Все взяли во внимание: и что редкий станок и что работа ответственная, точная... Через месяц сто пятьдесят процентов дал. Оглянулся — ползавода с такими процентами. «Ишь ты, — соображаю, — надо нажать, где она тут, эта «Б»? Нашел — рядом лежала. До двухсот пятидесяти догнал, притормозил, перестал печалиться!..

И слава пришла. Она б, может, не сразу пришла такая, был бы председатель завкома умней да разборчивей. А наш нет. Знаете его? Демушкин Афанасий Лукич. Не он про меня рассказал? Тот расскажет... Ну, человек! Из наук только одну арифметику признает. Что ему в точности вдаваться, когда доска показателей есть. Удобная штука для таких руководителей. Глянет на доску — и готов портрет человека. Ему

Григорий и Аксинья.

ИЛЛЮСТРАЦИИ О. ВЕРЕЙСКОГО К РОМАНУ М. ШОЛОХОВА «ТИХИЙ ДОН»

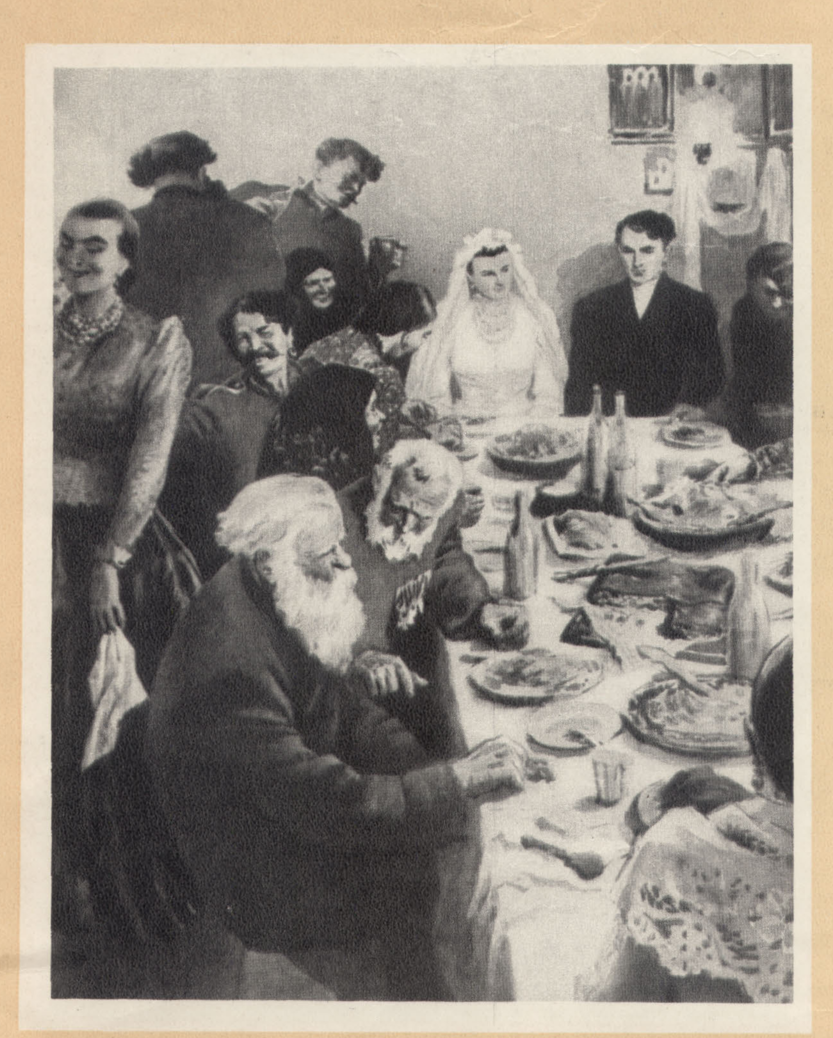
Из серии рисунков, сделанных для нового издания романа (Детгиз).

Григорий Мелехов.

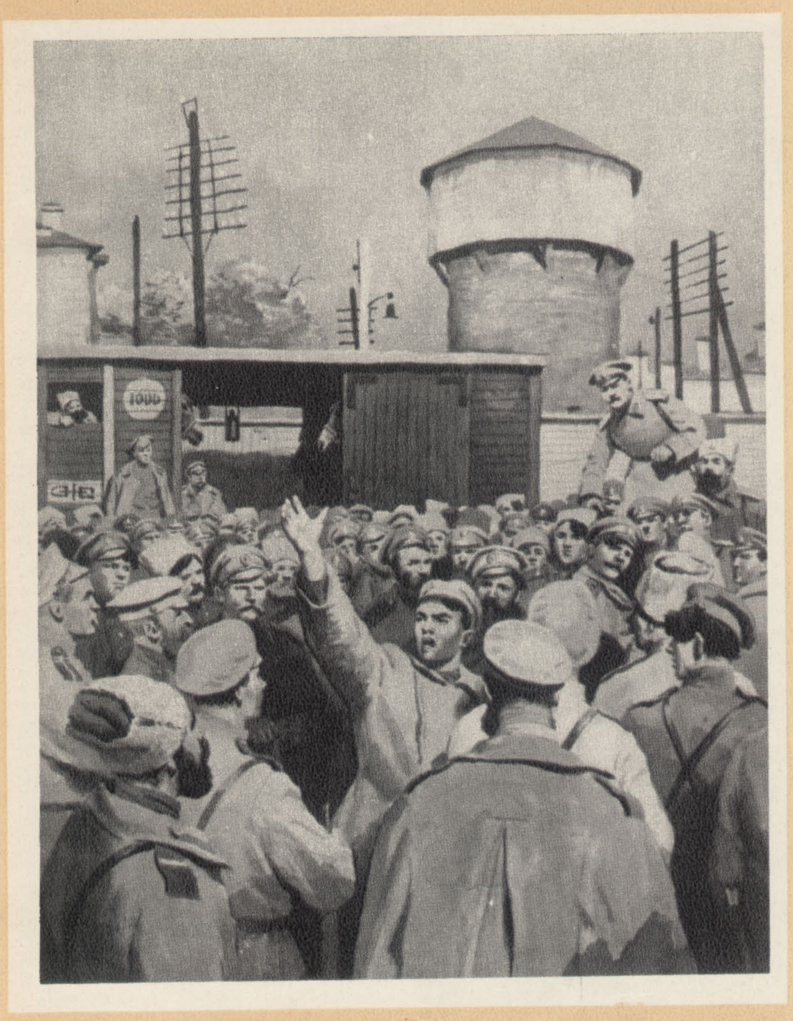
Аксинья.

Свадьба Григория и Натальи.

Наталья и Ильинична перед грозой.

Бунчук на митинге.

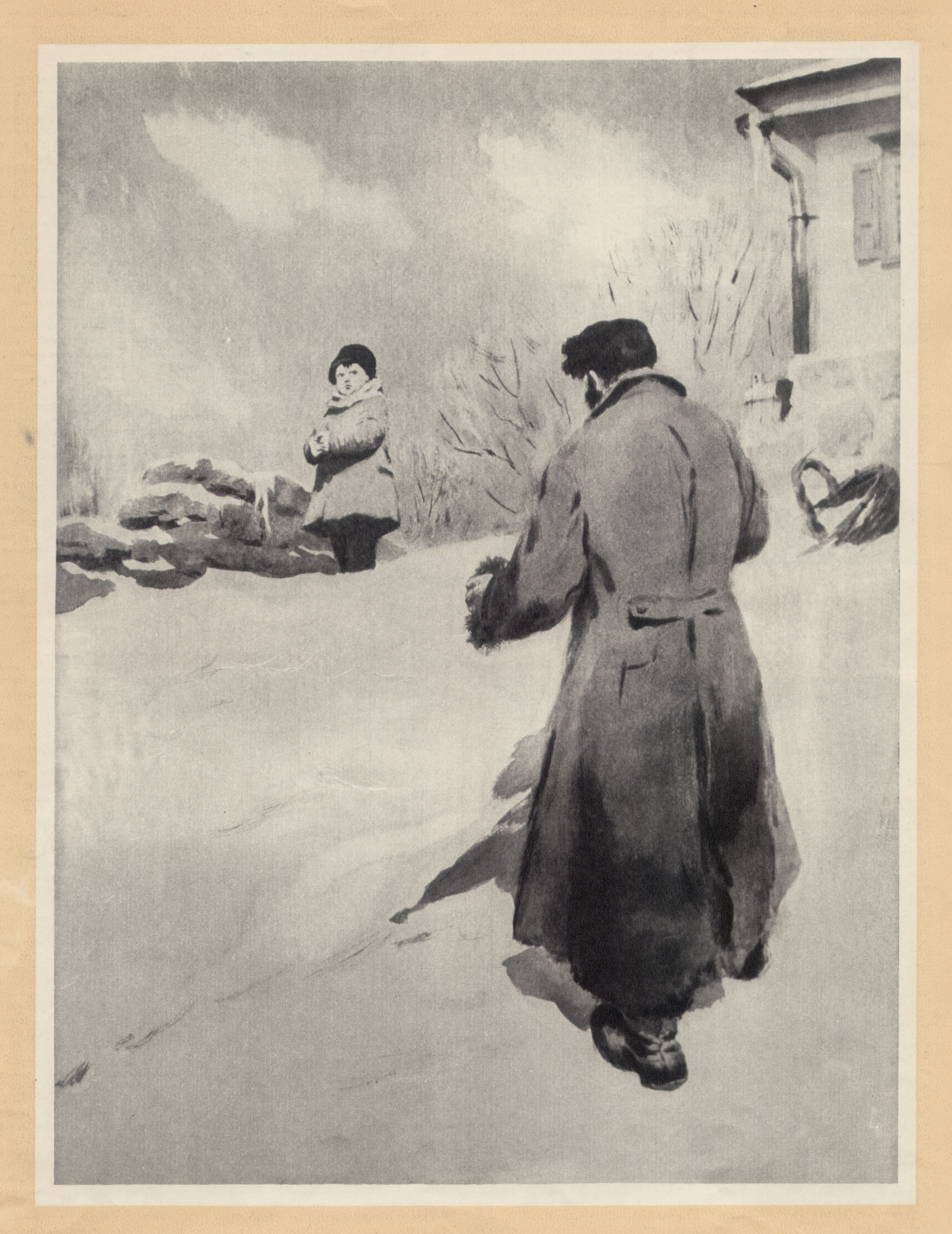
Коммунисты Иван Алексеевич Котляров, Михаил Кошевой и Штокман.

Подтелков и Кривошлыков перед казнью.

Отступление контрреволюции.

Возвращение Григория.

только цифру в руки, а уж он к ней слов нацепляет. Заскочил ко мне: «Как выработка? А обязательства? Ну, жми, а я велю тут занавесочки повесить, гости придут».

Повесил, и началось. Сперва на заводских собраниях обо мне заговорили, потом — на районных. Фикус поставили в комнате, фотограф появился. Карточку в газете напечатали. Дальше — больше. В президиумы стали выбирать, почтальон зачастил с приглашениями, гости появились: экскурсанты, представители. А я все на этих, на «А» и «Б», еду...

— Так-таки и не замечал никто? — удивился Горбачев.

— Замечали, — уныло признался Тимченко. — От людского глаза куда скроешься? Только одно и спасало, что единственный такой станок в городе, не с кем меня сравнить. Правда, один раз технолог наш открыто высказался. «Не вижу, — говорит, — у Тимченко стахановских приемов». Как на него Демушкин зашумел: «А результаты? Нам результаты важны! За деревьями леса не видишь?» Видел лес парень, да твердости не хватило. Слава-то про меня в ту пору далеко разошлась. Махнул он рукой...

IV

— ...Алексей, он позапрошлой зимой приехал. Тесть у него тут помер, теща одна в пустой хате осталась. Ну, жинка и сманила на родину. А тут полгорода — родня: дядья, тетки, свояченицы. Обступили со всех сторон: «Оставайся». Не вырвался, хотя и другие планы имел.

Приехал, увидел на площади мою карточку, нашел. Расцеловались. «Как хорошо, — говорит, — передовым ты стал человеком, Федор Семеныч».

Станок увидел — и про меня забыл. Ходит вокруг него, языком щелкает, вздыхает: «Вот чудо, так чудо... Красавец, умница... Больших дел можно с ним натворить!»

Зазвал к себе домой. Сели за стол. Спрашиваю: «Куда теперь, Алексей Григорьевич?» Теща перебивает: «А что ему волноваться? Офицер, партийный. Ему любую должность дадут». Он смеется: «Зачем же любую? Самая лучшая должность — к станку. Вот возьму и пойду к Федору Семеновичу в ученики...» И смотрит так хитро: не поймешь, озорует или вправду решился. Теща присела. «Зятька нашли! Тридцать шесть лет, дети взрослые, а он — в мальчики...» И я подумал: «Шутишь ты, парень».

Да нет, какие шутки! На утро явился ко мне, докладывает: «Прибыл в ваше распоряжение». «Да ты что, Алексей?» «Решено. Подписано. Учи!» За месяц выучился. Да как! Разве я учил? Я только маховички показал. А уж он книжек натащил и пошел и пошел по ним. На третью неделю меня поджимать начал: «Давайте так попробуем. Давайте этак». Куда там моя «Б» — до половины азбуки дошел. А почему? Школа какая за плечами, ухватка умная, смелая. Ну, и с интересом...

И, между прочим, как вошел, сразу воевать начал. На первом же собрании от него начальству попало. И это не так, и другое плохо, и третье по-кустарному делается. Начальник цеха защищается: «Завод молодой, цех новый, что вы нас с Московской равняете?» Куда там! Высмеял: «То паршивая собака — до веку щенок... Когда конец вашей молодости? Взрослые люди. По-моему, так: станки поставили, и сразу — порядок, как на московских заводах».

Не всем оно понравилось, и я не одобрил: «Повременить бы воевать, Алеша. Утвердись сначала. Сомнут». «Да кто же сомнет?» «Как кто? Люди! Кто ты есть перед ними? Не директором сюда поставлен — ученик. В твоем положении и прилаcкаться — не велик грех. Вот утвердишься, тогда и покомандуешь». Не стал слушать, оборвал: «Коммунист я, дядя Федор, не учили меня так на земле утверждаться...»

— Он на фронте, что ли, вступил в партию? — спросил Горбачев.

— Нет, видно, раньше, — пояснил Тимченко. — Видно, раньше. Он еще там, в слободе, орлом смотрел, а тут поднаторел. Разве остепенишь? Дня не прошло, с токарями — учениками моими — схватился. А я, — эх, не хотелось про это говорить, да, видно, из песни слова не выбросишь, — попортил хлопцев. Без намерения, а так, из своей практики кое-что им передавал, не думавши. Придут: «Не клеится, подскажите». Ну, когда и умное подскажешь, а когда умное не придет в голову, на другое намекнешь: и как нормировщика обойти, и как детали на револьверном выточить, а сдать вроде ты их на токарно-винторезном делал, по другим расценкам, и как на срочной работе сорвать. Узнал он про эти шалости. Обо мне, конечно, не сказали хлопцы, ну, а им попало. Отхлестал их по совести: «Что, по-честному не можете? Эх, вы! Про скоростников слыхали? Или вам тоже, по молодости лет, про это не говорили?» Устыдил, взбулгачил, смотрю — горят мои хлопцы. Резцы им по-своему заправил, после смены всех собрал. И что же вы думаете? От меня отшатнулись. А он стал у них первый советчик.

— А вы обиделись? — усмехнулся Горбачев.

— Заныло сердце, — всерьез сказал Тимченко. — Смотрю — весел человек. Воюет, горячится, с одним — в штыки, с другим — в штыки, и славы-то нет никакой, и начальство на него дуется. А на душе, чувствую, светло, спокойно у парня.

Сдал он экзамены. Отчеканил, удивил всех. А спасибо кому сказали? Мне! Все на меня Демушкин перевел. Не любил он его, Алексея. Ну, а потом же по демушкиной арифметике все просто: кто учил? Тимченко. Значит, учил хорошо, раз парень так выучился... Уж тут я не выдержал: «Товарищи! Не моя это наука. Сам он достиг всего, мне глаза открывает...» Да кто поверит? «Человек у такого знаменитого стахановца в учениках был и сам выучился?! Нет, нет, скромничаешь, старик!» Еще лучше про меня заговорили. Демушкин в газету написал: «Школа Федора Тимченко». Вот как оно бывает! И отказаться нельзя...

Начали мы в две смены. Он днем, я в ночную. Наряды стали ему писать. Вечером учетчица придет: «Ого, Алексей Григорьевич, да у вас 280!» Мастер тоже подхваливает: «Молодец, с места взял...» Один он не радуется. Что ни день, сумрачней меня встречает. Так: «Здравствуй-прощай» — и уходит с завода. Чую, что-то задумал парень. К инженерам зачастил. Через две недели зовет: «Разговор есть, Федор Семеныч! Что у нас с нормами? Не подскажешь?» Ждал я этого разговора. Приготовился. «Что с нормами? Не мы их установили. Нормы как нормы...» «Да нет, — возражает, — знаю я, что такое нормы. Бывало, чтоб 200 процентов дать, такое выдумаешь! А тут и не применял ничего, так, самое обыкновенное сделал — и на тебе: 280! Откуда они набежали?» «Вот еще о чем печаль! Да применяй, что хочешь! Разве нормы — помеха? Первым человеком будешь! Плохо?» «Плохо! Кого обманываем?» Держу оборону: «Где же обман? Не я же их выдумал, нормы. А потом, то, что тебе обыкновенным показалось, разве легко далось? Сколько я бился!» Он губу закусил: «Вы бились? А вот разделайте мне эту вещь...»

Беру из его рук пластину стальную — заготовку для матрицы. Смотрю чертеж. Шестнадцать отверстий нужно расточить. Ну, подстроился к одному, потом к другому отверстию, устанавливаю, переустанавливаю. Не тороплюсь и не мешкаю. Как всегда. Часа три провозился. Он все рядом сидел, читал. Кончил я, он подходит с такой же пластиной. Склонился над столом, считал что-то, потом пластину поставил, базу нашел и с одной установки — все шестнадцать! Потемнело у меня в глазах: никогда еще так не срамили. И испугался, и совестно, и обидно, что сам не дошел. «Видали? — спрашивает. — Это же сколько процентов по нашим нормам?»

— Что же он сделал? — заинтересовался Горбачев. — Координаты пересчитал? Взял от одной базы?

Тимченко встрепенулся, минуту удивленно смотрел на Горбачева, ответил:

— Ну да, от одной. И вы вот знаете. Оно — детская штука для знающего... Говорит мне: «Скучно так работать. Станок стоит, почти все время на подготовку уходит. А почему? Неграмотный подход. Хотите повеселей жить, пойдемте насчет норм толковать...» И тянет наверх. «Постой, — говорю, — не руби с плеча, разберись. Ты вот подсчитал. А я? У тебя образование — не каждому оно дано. Я вот ее, твою тригонометрию, по имени-отчеству только сегодня узнал». «А зачем не учил? — спрашивает. — К такому станку стал безоружный!» Так он и свалил нормы. Понимаете? В тупик меня загнал. Привел инженера: «Вот мы с Федором Семеновичем решили, что нормы устарели». «Мы решили, что устарели!» Ну, парень!..

V

Горбачеву вспомнилось веснушчатое открытое лицо второго расточника и то, как он, здороваясь, назвал его, Горбачева, по фамилии. «Знает ведь, знает же, а я его нет, — с досадой подумал Горбачев. — А орел, орел, видно, если уж этот так о нем говорит... Орел...»

— Он меня тогда просто оглушил, Алексей, — продолжал Тимченко, разминая в руках туго набитую папиросу. — Оглушил, сбил с толку...

«Ну, тебя трудно сбить», — с неприязнью подумал Горбачев.

— Сбил, сбил! — горячо повторил Тимченко. — Понятно, и легкой славы и дурных рублей жалко стало. Но и другое начало просыпаться. Раньше жил — не задумывался, а тут думки пошли. Ворочаюсь ночью, не сплю, в голове стучит: «Что это за человек такой? Где его образовали? Сам себе палки в колеса ставит, трудности придумывает и ничего — весел. Как его понять? Может, он такую в себе силу чувствует, что и меня вместе с нормами свалить хочет и славу мою растоптать, а самому первым на заводе утвердиться?» Уж я и на это согласился. «Бог с тобой, — думаю, — будь первым, только от меня отступись». Так нет же, не отступает. Придет на смену, посмотрит на мою работу, качнет головой. «А ну, попробуй с этим шаблончиком, Федор Семеныч, — способней будет». И так что ни день — новое подкидывает: то приспособление, то прием особенный, то готовые координаты...

Да не только готовым потчевал. Зовет как-то: «Тут у нас матрицы есть мелкие... Две сотни их в месяц делаем. И к каждой подстраиваемся. Нельзя ли кондуктор сообразить? Займись, Федор Семеныч!»

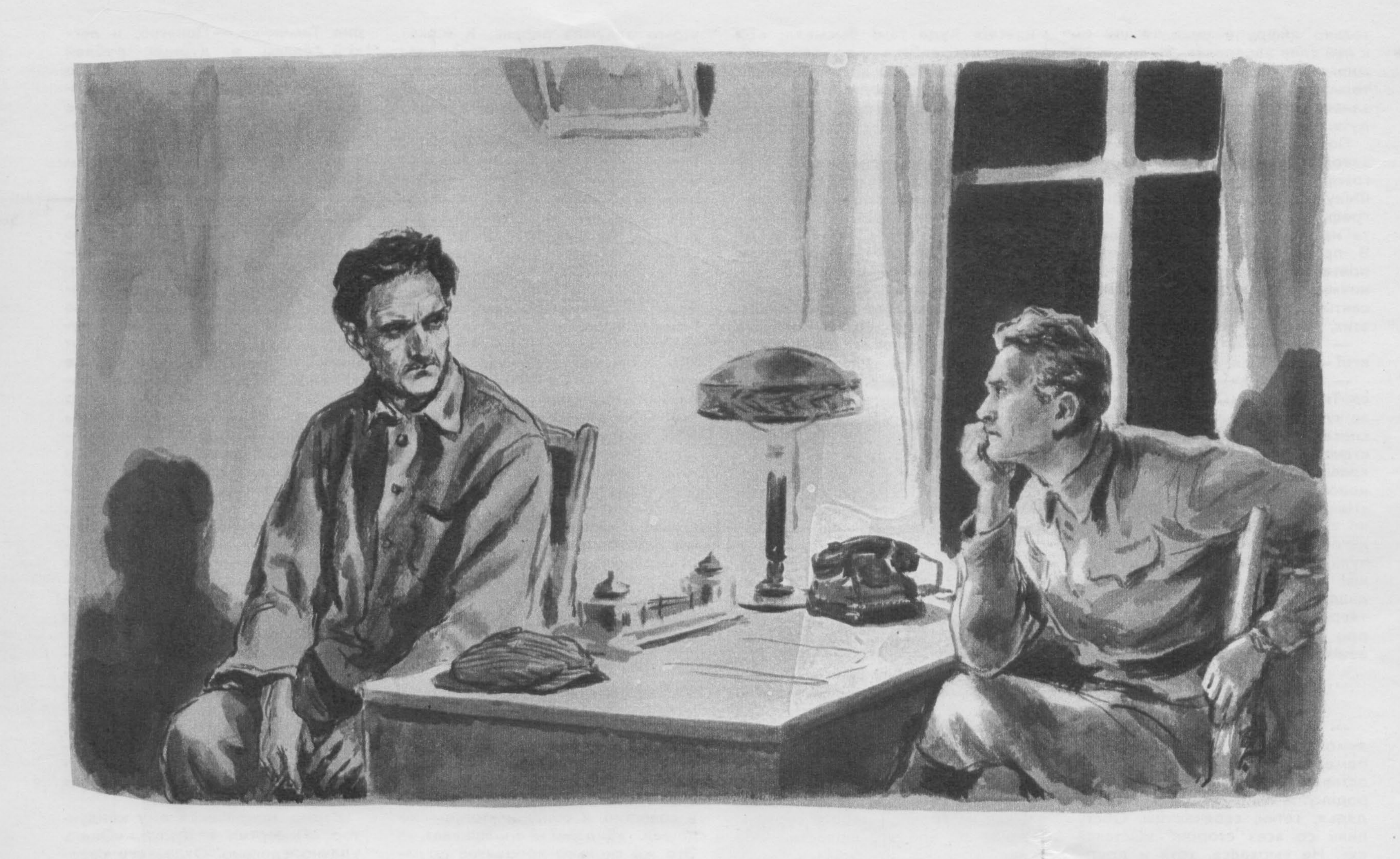
Занялся. Слесаря, технологи помогли. На удивление вышел кондуктор. Клади в него деталь, ставь на станок и без всякой настройки сверли. Несу его к себе, прикидываю: вот обрадуется Алексей! За три дня двести матриц сделаем. Это же месячная норма!

Верно, понравился ему кондуктор. Повертел в руках: «Очень удачно сделано. Отдай его сверловщикам, Федор Семеныч. С этой штукой матрицы можно на самом простом станке делать, незачем наш загружать...» «Ты что, очумел, Алексей? Зачем же готовый рекорд людям подсовывать? Зря я старался?» Поморщился: «Что мы, нищие? Или ты из головы подчистую думки повычерпал, ни одной не осталось? Еще выдумаем! Приспособление вот нужно...»

Опять сбил с толку. «Ну, допустим, — думаю, — с нормами не все чисто было. Похоже на обман. А тут? По-честному все, по-хорошему. Сами придумали и вот — не попользовался, отдал. Да еще радуется! Что же тебя веселит, парень?» А тут, представьте себе, при таком моем расстройстве слава-то по старой дорожке катится... Знаете, как с ней бывает? Ее только толкни легонечко, а уж она скорость наберет... И в президиумы меня выбирают, и Демушкин гостей водит. Подойдет, посмотрит ласково: «Что-то ты побледнел, Федор Семеныч, может, путевка нужна?» И к гостям: «Это у нас лучший стахановец, гордость завода. И напарника подобрал под свой характер. Обучил, передал свой опыт, а теперь вместе с ним нормы атакует. Как, Федор Семеныч, одолеете? За тебя не сомневаюсь, а как Колесник? Молод он еще, горяч, ты не выпускай его из рук...» Ну, так иногда допекут похвалами — терпения нет...

Горбачев зажмурился, улыбка тронула губы. «А ты остер, остер, — подумал он о расточнике. — Что ж, верно подмечено. И так бывает...»

— Сидим как-то у меня, — увлекаясь, вспоминал Тимченко, — пригласительные билеты разглядываем, штук сорок их накопилось. «Смотри, — говорю, — Але-

ша, нигде без нас не обходятся: выставка, совещание... открытие цирка... А это что? Конный праздник! Ишь, придумали... И кто им сказал, что мы коневоды?» «Да никто не сказал... Захотелось людям для полноты картины от завода иметь представителя, а кого позвать? О ком наслышаны больше, того и зовут. Нет, ты этим не хвастайся! Вот когда расточников соберут со всего Советского Союза да тебе доклад поручат, вот тогда и я позавидую...» «Ну, такого не будет...» «Не будет? — спрашивает. — А мне хочется. Вот кондуктор сверловщикам подарили... Пустяк, а приятно. А вот если бы такое выдумать, чтобы всех расточников одарить! Всех, сколько их есть по заводам...»

Снова ворочаюсь, жинке спать не даю. Почему мне такая штука ни разу не приходила в голову: всех расточников одарить? Много планов имел я в своей жизни. Да каких! И дом двухэтажный собирался строить, и в председатели артели когда-то мечтал выбиться, и часовым мастером планировал стать... Да мало ли о чем мечталось! А вот о таком, чтоб там расточников или токарей чем одарить — об этом как-то мечты не было, не примечал за собой... Или глаза у них, у таких, как Алексей, по-другому устроены? То видят, что мне незаметно? А в президиумах мы рядом сидим, и карточки наши на Доске почета рядом. Вот задача!

И вот после каждого разговора с ним так: точно драчевым напильником по душе проведет, да крепенько проведет, с натиском — и ржавчину обдерет и до живого достанет...

Подбил меня как-то начальника цеха раскритиковать. Да нет, не подбил, пожалуй, сам я на него разозлился, а Алексей еще уголька в огонь подкинул. Предложили мы дело хорошее: что-то вроде потока ввести в инструментальном деле. Не столь от этого нам выигрыш, сколько слесарям польза. Так нет, заартачился начальник, хлопот, вишь, ему много: «Технологию пересматривать... взаимозаменяемости добиваться... нормали вводить... Так проживем». Не уговорили. Идем от него сердитые, я ругаюсь: «Байбак чортов! Легкой жизни ищет. Надо его научить...» «Ты научишь?» «А почему не я? Вот завтра на собрании выступлю». Покосился он на меня, прищурился: «А не повременить воевать-то, Федор Семеныч? Не сомнут? Сперва утвердиться надо». «Нет,— говорю, — Алексей Григорьевич, я, кажется, утвердился...»

После собрания зашли ко мне чаю напиться. Алексей жинке мою речь передает, смеется: «Ну и хватка у вашего... Я думал, он его в клочья, начальника, разорвет... Паленым в зале запахло...» Антоновна головой качает: «Не нажить бы тебе беды, Федор. Скоро праздник... Попадешь на почетную доску?» «Вот, — говорю,— нашла о чем беспокоиться! Надо будет — поместят...» «Да ты же сам раньше беспокоился...» Провалиться бы мне на том месте! Вот язычок у женщины!

Стали о делах говорить. Алексей прикидывает, на кого бы в цеху опереться. «Фрезеровщик Ноздрачев вон на скоростной режим перешел». Жинка поддакивает: «Понятно, человек дом строит...» «При чем тут дом, Антоновна?» «Как при чем? А деньги? Деньги нужны, вот и выдумывает... И потом, стахановцам тес отпускают. Вот вы у Федора спросите, он знает, что стахановцам бывает...» Я глаз поднять не могу — так она меня срамит. Алексей смеется: «Значит, если б не дом, ничего б не было? А что же мы вот с Федором Семеновичем сидим, выдумываем? Тоже, скажете, корову собираемся покупать?» «Да насчет вас, — говорит, — не знаю, а Федор...» «Что Федор?! — кричу. — Что, вам все Федор да Федор! Пора привыкнуть к Федору!»

Не вынес, видите ли. Точно в старое зеркало заглянул, самого себя в полной форме увидел... От меня, от меня ведь она насчет устройства в жизни наслушалась! А Алексей точно и не слышит моего крика. Ей объясняет, Антоновне: «Нельзя нас одними рублями мерять. Другое время, другие мерки. Вон как Сталин про нас сказал: люди новые, особенные». «Постой, — говорю, — ты где это вычитал? Год слежу за газетами — не встречал таких слов». «Так ведь это еще в тридцать пятом году сказано...»

Верно! О чем же я тогда думал? Где я тогда был? В странствиях? Пенки снимал? А что вокруг делалось? Какие люди росли! Вся жизнь встала перед глазами. Сколько лет пошло прахом, товарищ секретарь! Такое сейчас узнаёшь, что уже двадцать лет должно в голове лежать. А говорят: учитель! Какой я учитель? Это вот по расточному делу дали мне шестой разряд, а по жизни, по жизни я еще и четвертого не заслужил...

Что-то новое, не горькое, нет, сильное, смелое появилось в тоне рассказчика. Он задумался, дрогнули морщинки на темной щеке. Прямо посмотрел в лицо Горбачеву и повторил резко, точно внезапно решил что-то давно задуманное:

— Нет, не заслужил!

Горбачев спросил еще о Колеснике, о том, как влиял его пример на других людей в цехе, но, видно, Тимченко выговорился. Снова, как тогда в цехе, он скрестил на груди руки, опустил голову и отвечал коротко, торопливо, точно ждал от Горбачева не этих вопросов, а каких-то других слов.

Не дождавшись, удивленно посмотрел на Горбачева и сказал:

— А Алеша воюет. Схватился с Демушкиным. Тот ему: «Ваш теперь цех стахановский, можно к вам меньше ходить...» Как на него Алексей вскинулся! «Что, — кричит, — достиг: все нормы перевыполняют, тебе и достаточно, ленивая твоя душа! Только тех и надо воспитывать, у кого ста процентов нет? А как за сто перевалило, тогда что: прямо, закрывши глаза, в коммунизм прописывать человека? Не ошибемся?» Тут и я добавил. «Вот ты, — говорю, — меня на первое место ставил, а Алексея в тень. Что ж ты не признаешься?» Он мне: «Да, Федор же Семеныч, это ж у вас между собой вышло, то ж неофициальная часть. Нетипично. А официально он же твой ученик, Колесник. Что ж теперь, отбой бить?» Поймете вы его, товарищ секретарь? «Нетипично», видите, так он стесняется отбой бить! А что он Федора заместо Алексея год хвалил — это ему не болит!..

— Пойму, пойму, — весело сказал Горбачев. — Встречал я этаких...

Тимченко опять бросил на Горбачева пытливый взгляд. Помолчал и спросил негромко:

— Так как же мне быть? Вот вопрос. Ну, рассказал, и вы теперь знаете. Полегчало на душе. А все-таки какие слова про меня написаны! Что теперь делать?

— А вы их задатком считайте, — так же негромко посоветовал Горбачев.

— Задатком? — переспросил Тимченко.— Ага, авансом, значит...

Подумал, покачал головой, вздохнул:

— Крупноват задаток... Крупноват... Это надо не на один годок заряжаться... Что, может, к токарям вернуться? Нет, нет, не к тем, тех Алеша образовал... Новеньких к нам прислали...

— Ну, что же, можно и к токарям, — сказал Горбачев задумчиво и поднялся из-за стола.

Но Тимченко все сидел и качал головой. Наконец попросил, не глядя:

— Так вы распорядитесь: не надо больше за старое хвалить. И в президиум не стоит выбирать. В зале посижу. Там оно сподручней... А если уж похвалить надо, так мало их, что ли, таких, как Алексей? Вы их разглядите: огонь-хлопцы, такие что хотите разворошат, кого хошь на дорогу поставят... А я подсоблю. Я отработаю. Я...

Оборвал фразу, быстро поднялся, подал Горбачеву руку:

— Прощайте. Накурил я у вас...

Горбачев дождался, пока в коридоре затихли шаги гостя, подошел к окну, выглянул.

Тимченко вышел на порог. Постоял с минуту и, соскочив с крыльца, легко зашагал вдоль улицы, по-мальчишески дерзко сшибая носком сапога головки выбившихся из расщелин камня ромашек.

Горбачев распахнул окно. Было еще сумрачно, но в полутьме угадывался город. На востоке, споря с протянувшейся по краю тучи светлой полоской, колыхались, дышали живые, теплые огни Машиностроительного...

«Люди, люди!» — беспокойно подумал Горбачев.

О только что ушедшем расточнике почему-то не думалось. Была ясна его судьба. «Он же его не выпустит, этот друг Алеша,— улыбнулся Горбачев, — факт, не выпустит. Цепок! Ох, цепок!» И вдруг так захотелось к этому неугомонному человеку с цепкими руками и ясной душой, так потянуло к ним, незнакомым пока орлам, которые «кого хошь на дорогу поставят» и «что хотите разворошат», что Горбачев оглянулся невольно, позвал:

— Павел Евгеньевич!

Вошел помощник, выдернул штепсель настольной лампы, усмехнувшись чему-то, аккуратно сложил исчерканную карандашом передовицу.

— Павел Евгеньевич, — попросил Горбачев. — Вы передайте завтра Парфенову: пусть хозяйничает. Я до вечера — на Машиностроительном...

— А доклад? — удивился помощник.

— Успеем! — возразил Горбачев. — Он же, господь-то бог, помнил нашего брата, когда сутки на день-ночь делил. Ночь наша. Успеем!

Большая Волга

Яков ХЕЛЕМСКИЙ

Переправа

1

Буксир-малютка, оснащенный
Надежным тракторным движком,
Застрекотал и с места стронул
Большой калязинский паром.

Трос натянул он постепенно
И всю громаду потащил.
В углу возы со свежим сеном
Дощатый заняли настил.

А рядом с грузом тем пахучим
Плыл «зис», везя на стройку лес.
Автоцистерна шла с горючим
На Кашинскую МТС.

Ремесленник баул фанерный
Поставил около перил:
В колхоз, к родителям, наверно,
Он на каникулы спешил.

Мединститута выпускница,
В косынке, в пыльнике цветном,
Работать в сельскую больницу
Плыла с несложным багажом.

К ней приближался новый берег —
Ее грядущее жилье,
Где ждут ее, где очень верят
В талант и мужество ее.

Повозка с кинопередвижкой
Везла картину по воде.
Толклись вокруг нее детишки
Здесь, на пароме, как везде.

Со знаменем и звонким горном
В поход отправился отряд;
Поэзия лугов просторных
Ждала за Волгою ребят.

А возле будки, где ведерко,
Огнетушитель и багор,
Дымили возчики махоркой,
Шел об уборке разговор.

2

И это все по волжской шири
Тянул стрекочущий движок.
Стоял на пляшущем буксире
Плечистый рыжий паренек.

Стоял с канатом наготове,
Любуясь крупною волной.
Вскипали гребни с бортом вровень
Почти морскою белизной.

Стоял он, набок сбив фуражку,
А синий китель, то и знай,
Распахивался, чтоб тельняшка
Сквозила как бы невзначай.

Был мал буксирчик, но упорно
Тянул свой груз, что было сил.
И полную речную форму
По праву юноша носил.

Тут подвалил паром к причалу
И двинулись грузовики.
Вода лениво заливала
Подпрыгивавшие мостки.

Возов скрипучие колеса
Одолевали косогор.
Горнист вихрастый у прокоса
Уже трубил ребятам сбор.

А рыжий парень вдоль буксира
Перебирался на корму.
— Спасибо, Леша! — пассажиры
Кричали с берега ему.

В свое суденышко влюбленный
И горд призванием своим,
Он был знаком всему району
И очень здесь необходим.

И с газохода, что недавно
Вел к Сталинграду караван,
С ним поздоровался, как равный,
Видавший виды капитан.

Старожилы

Посредине реки раздольной,
Разобщенная с городком,
Возвышается колокольня,
Ныне ставшая маяком.

Там, где улицы шли когда-то
С огородами вдоль реки,
Там сейчас голубой фарватер
И зеленые островки.

Неустанно мигает бакен,
Перекатывается волна,
Отраженья створных знаков
У обрыва дробит она.

Так речная прошла дорога
По вчерашнему большаку.
Потесниться пришлось немного
Живописному городку.

Только жители не в обиде —
Новый выстроили район.
Им простор небывалый виден,
Светом праздничным озарен.

Встала угличская плотина,
Щедро хлынул в столицу ток,
Влил энергию по пути он
В перестроенный городок.

Хлеборобы, и плотогоны,
И льноводы, и рыбаки
Смотрят радостно и влюбленно
На широкий разлив реки.

...Нам запомнились эти годы.
Свет и свежесть земле даря,
Разлились под Москвою воды,
Родились под Москвой моря.

Дно покинули горожане,
Села стронулись с прежних мест,
Новоселы в дома въезжали,
Все в движенье пришло окрест.

Старикам отрываться больно
От насиженного угла:
Пусть на новых местах привольно,
Да на прежних-то жизнь прошла!

А потом обжились на новых,
Стала Волга вдвойне родней
Близ Москвы и у Щербакова,
Возле шлюзов и пристаней.

И летит ветерок веселый,
Овевая речную гладь,
И давно уже новоселов
Старожилами стали звать.

Подрастающие ребята
Представляют себе с трудом,
Что отцы их еще в тридцатом
Обитали на дне морском.

Капитан

На вагонных полках бестревожно
Дремлют люди в поезде ночном.
Параллельно насыпи дорожной
Шлюзы проплывают за окном.

Берегов расчерченные склоны,
Фонари среди густой листвы.
Грохоча, проносятся вагоны
Вдоль канала имени Москвы.

Вот он, память о делах вчерашних
И предвестье будущих дорог!
Парусники медные на башнях
Тронул предрассветный ветерок.

Капитану волжского буксира
Очень трудно в поезде уснуть:
Видно, сухопутным пассажиром
Он не часто трогается в путь.

Рыбинские водные просторы
Исходил он из конца в конец.
Помнят капитана Переборы,
Пошехонье и Череповец.

С первых дней возникновенья моря
Он сроднился с этой стороной.
Полыхали северные зори
Над новорожденною волной.

К Верхней Волге прирастая сердцем,
Там на славу поработал он...
А сейчас речное министерство
Переводит волгаря на Дон.

Флаг в степи над новым портом поднят,
Слышен рокот молодой волны.
На Цимлянском, говорят, сегодня
Опытные речники нужны.

И, признаться, хоть с любимым краем
Расставаться человеку жаль,
Чувство, что уснуть ему мешает,
Заслоняет светлую печаль.

Хорошо, что всюду много дела,
Хорошо, что, юное вчера,
Рыбинское море «устарело»,—
Новые осваивать пора.

Сам он тоже, с морем этим схожий,
Ветеран, летами молодой,
Только для солидности обросший
Мягкой светлорусой бородой.

И такому думать о покое,
Прикрепляться к месту — ни к чему!
Может, не с одной еще рекою
Породниться выпадет ему.

За окном свежо, душисто, сыро...
Вспыхнула над Яхромой заря.
Едет с Волги капитан буксира
Новые осваивать моря.

Канада сегодня

В. НЕКРАСОВ

Негодование матери

Когда мать Роберта Финдли узнала о том, что эсэсовский генерал Курт Мейер, отбывавший пожизненное заключение в канадской тюрьме, тайно отправлен в Германию, она заплакала от негодования. «Канадское правительство отнеслось жестоко к чувствам матерей наших убитых юношей», — сказала она пришедшим к ней корреспондентам. Миссис Финдли напомнила, что ее сын, сражавшийся против гитлеровской Германии, в 1944 году попал в плен и был расстрелян по приказу фашистского палача.

Родители других канадских солдат, разделивших участь Роберта Финдли, были не менее решительны в осуждении этого незаконного отпущения грехов эсэсовцу.

В это время Курт Мейер уже пересекал Атлантический океан в комфортабельном транспортном самолете канадской военной авиации, в компании с канадскими офицерами, отправлявшимися на службу в «армию Северо-атлантического блока». Формально он еще не был освобожден. В Западной Германии его ожидала «тюремная камера», напоминавшая палату санатория. Канадская буржуазная печать усиленно доказывала «невиновность» Мейера, который-де был всего лишь «исполнительным солдатом». Оттавская газета «Ситизен» уже намекала читателям, что Мейер может быть окончательно освобожден. Прокурор и его помощник, которые когда-то вели процесс по делу Мейера и требовали вынесения ему смертного приговора, теперь цинично заявили о том, что Мейера «следует использовать в интересах западных держав». Достойный финал комедии «правосудия», разыгранной канадскими судебными властями!

Ни для кого в Канаде не секрет, что освобождение Мейера проводится по приказу из Вашингтона. Не секрет и то, что из США приходят директивы по многим другим политическим вопросам, решать которые, казалось бы, вправе лишь сама Канада. В речах ряда канадских политических деятелей то и дело звучат утверждения, что Канада осуществляет свой собственный внешнеполитический курс. Чем чаще и громче говорят об этом, тем яснее проступает желание скрыть от народных масс простую истину — закабаление страны американскими монополиями.

А между тем обнаружить следы господства Соединенных Штатов в Канаде не так уж трудно. На каждом шагу в канадских городах мелькают привычные в Соединенных Штатах вывески американских фирм с добавлениями «для приличия» слов: «канадская» или «в Канаде». По дорогам страны носятся американские военные автомобили, по улицам городов разгуливают американские солдаты. Вооруженные силы США фактически оккупировали стратегически важные участки канадской территории. Соединенные Штаты включили в свой «северо-восточный военный округ» часть канадской провинции Квебек, восточные приморские провинции и весь арктический архипелаг. Американцы контролируют важнейшую автостраду на западе страны, связывающую США с Аляской. На территории Канады Соединенным Штатам принадлежат четыре крупные военные базы. Американские солдаты и офицеры чувствуют себя, как в оккупированной стране,— они не подсудны канадским судам.

Сорок девятый штат!

В январе 1951 года американский журнал «Лайф» опубликовал карту под заголовком «Взгляд на наш военный потенциал». Каково же было удивление читателей, когда они обнаружили на карте не только изображение Соединенных Штатов, но и Канады, которую журнал, выражающий интересы крупных монополий, видимо, определенно считает территорией США.

Судя по примечаниям к карте, американские монополисты ежегодно выкачивают из Канады по меньшей мере 500 тысяч фунтов урановой руды. Соединенные Штаты контролируют 96 процентов крупных ресурсов никеля в провинции Онтарио, железорудные богатства Лабрадора, богатейшие залежи титана в Квебеке.

На территории Канады американская военщина создает филиалы своих научно-исследовательских учреждений, занимающихся разработкой планов ведения бактериологической войны против свободных народов мира. По свидетельству агентства «Канадиен Пресс», на уединенном речном острове Гросс-Иль в 30 милях от канадского города Квебек расположена американская лаборатория, являющаяся филиалом зловещего чумного центра Кэмп Детрик в Соединенных Штатах. Другая подобного рода лаборатория в Канаде находится в небольшом местечке Соффилд, в провинции Альберта.

Как в своей вотчине, чувствуют себя в Канаде агенты американской охранки — Федерального бюро расследований. В сентябре прошлого года, когда в Оттаве происходила сессия совета агрессивного Северо-атлантического блока, столица Канады была наводнена представителями американской разведки, которым была поручена охрана делегатов конференции. Они так рьяно выполняли свои обязанности, что в здание канадского парламента, где проходила сессия, не могли проникнуть без специальных пропусков даже сами депутаты парламента.

Американская разведка имеет подробную картотеку на многих прогрессивных людей Канады. Исходя из данных этой картотеки, американские власти, например, пожизненно запретили въезд в США более чем 11 тысячам прогрессивно настроенных канадцев. В американском посольстве в Канаде имеется специальный чиновник — «атташе по вопросам труда», который поддерживает тесный контакт с правыми лидерами профсоюзного движения Канады, являясь, так сказать, неофициальным советником по вопросам предательства интересов рабочего класса.

Вот еще один факт совершенно открытого вмешательства во внутренние дела Канады. Консульство Соединенных Штатов в Монреале весной нынешнего года вызвало руководителей забастовки текстильных рабочих в этом городе и настоятельно «посоветовало» им как можно скорее прекратить забастовку.

Нет ничего удивительного в том, что американские тузы мечтают даже о формальном присоединении Канады. В начале нынешнего года почти все газеты мира сообщили о выступлении в американском конгрессе члена палаты представителей США Шиана. Он предложил создать специальную комиссию для изучения возможности присоединения Канады к Соединенным Штатам и превращения ее в 49-й американский штат. В ответ на вопросы журналистов, считает ли он реальным свой проект, Шиан многозначительно заявил: «Я не из тех людей, которые бросают слова на ветер».

Спекулянты обогащаются

Американские конгрессмены действительно могут позволить себе рассуждать подобным образом: их влияние на Канаду опирается на солидный экономический базис.

Пятьдесят «некоронованных королей» Канады, монополистов, контролирующих экономику и политику страны, по сути дела, являются лишь бедными родственниками 60 семейств Соединенных Штатов.

Природные богатства Канады: железная руда, медь, никель, цинк, асбест, уран, титан, кобальт, свинец, нефть, светильный газ, лес на корню, потенциальные запасы водной энергии — все это скупается американскими монополиями по тем баснословно дешевым ценам, которые они сами же назначают. В канадской печати рассказывалось, например, как американский предприниматель Итон скупил акции железных рудников в Стип-Рок на сумму 14 тысяч долларов и заработал на этом деле 10,5 миллиона долларов.

Аферу Итона не так давно повторил американский трест «Юнайтед Стейтс стил», скупивший в Канаде по дешевке земельные участки, на которых залегает около 100 миллионов тонн железной руды. В результате этой сделки руда обойдется тресту всего по 4 цента за тонну.

Соединенные Штаты не только расхищают национальные богатства Канады: они толкают страну на губительный для ее хозяйства путь форсированной гонки вооружений. Для того чтобы облегчить использование Канады в качестве своей военной базы, американские дельцы вовсю раздувают военный психоз. Пропаганда на все лады вопит, что Канаде-де «грозит вторжение через Северный полюс» и что спасти Канаду от этого может только так называемая «совместная американо-канадская оборона».

Одновременно был пущен в ход миф о том, что развертывание военного производства в Канаде... окажет благотворное воздействие на ее экономику, предотвратив угрозу кризиса. Однако очень скоро действительность показала всю фальшь лозунга «процветание через перевооружение».

«Вырежь это и пошли министру юстиции Гарсону» — гласит надпись над обращением, помещенным в канадской газете «Канадиан Трибюн». В обращении содержится требование о немедленной отмене антидемократических поправок к уголовному кодексу Канады, лишающих канадцев права на свободу слова, собраний и организаций. «Канаде нужен билль о правах, а не уничтожение прав» — призывает газета.

Canada needs a Bill of Rights to protect the right of workers to organize and strike.

CLIP THIS AND MAIL IT TO MINISTER OF JUSTICE GARSON ↓

I call for:

1. The immediate repeal of the recent amendments to Sections 74, 84, 127, 132, 134 and 509 of the Criminal Code of Canada because these amendments attack the right to freedom of speech, assembly, association, etc., and because they are undemocratic and dangerous to the rights and liberties of Canadians.

2. The enactment of a BILL OF RIGHTS FOR CANADA which will effectively guarantee the following rights: the right to freedom from discrimination; the right to freedom of speech, assembly, association and religion; the right to citizenship, personal liberty, fair trial and equality before the law; the right to petition and to government by the people.

Canada Needs a Bill of Rights — Not Abolition of Rights

Канадское правительство в соответствии со своими обязательствами по Северо-атлантическому пакту должно расходовать на вооружение более 2 миллиардов долларов в год, то есть около половины всего государственного бюджета. А это значит, что каждая канадская семья вынуждена отдавать на пушки, танки и т. д. в среднем по 560 долларов в год. В то же время канадцам приходится отказывать себе в мясе, молоке, свежих овощах и фруктах, употребление которых значительно уменьшилось по сравнению с 1947 годом. «Детям,— пишут прогрессивные канадские газеты,— не дают молока не потому, что родители желают копить деньги, а потому, что этих денег нет».

«...По настоянию Соединенных Штатов»

Тот, кто сказал «а», должен сказать и «б». Согласившись на подчинение своей экономики и политики королям Уолл-стрита, канадские власти вводят в своей стране те же самые реакционные порядки, которые процветают по ту сторону южной границы Канады.

Уже в июле 1951 года правительство спешно провело через палату общин ряд поправок к уголовному кодексу.

Если верить комментариям печати и радио, то «поправки Гарсона», как они были названы по имени министра юстиции, были введены главным образом с целью позволить полиции легально подслушивать телефонные разговоры в... игорных домах и других подобных заведениях. Однако на деле имелись и более существенные «поправки». Благодаря им полицейские власти Канады теперь имеют право без судебного разрешения обыскивать любого гражданина, автомашину или служебное помещение, если они считают, что «совершается или совершилось преступление».

«Поправками Гарсона» далеко не исчерпывается наступление на демократические права канадского народа. Реакция стремится осуществить изменение закона о власти. Согласно новому законопроекту, правительство получает возможность лишать гражданства канадцев, родившихся за пределами Канады, за какое-либо выступление как в самой Канаде, так и за ее пределами, которое можно назвать «нелояльным». Министерство иммиграции получает право произвольно решать судьбу каждого такого канадца без открытого судебного слушания. В то же самое время министерство иммиграции может предоставлять убежище иностранцам — предателям, шпионам, военным преступникам, скрывающимся от справедливого гнева своего народа.

В Торонто на Бей-стрит летом прошлого года было даже открыто специальное учреждение, являющееся филиалом нью-йоркского «Международного комитета спасения», занятого доставкой в Америку фашистского сброда и предателей, бежавших от суда народов.

В настоящее время на рассмотрении канадского парламента находится проект нового уголовного кодекса, который, как сообщают канадские газеты, «был спешно составлен по настоянию Соединенных Штатов».

В случае принятия законопроекта правительство Канады будет иметь право обвинить в измене, а следовательно, приговорить к смертной казни или пожизненному тюремному заключению каждого, кто выскажет свои симпатии даже к такому иностранному государству, с которым Канада находится в дипломатических отношениях. Достаточно будет, чтобы канадских солдат бросили в войну по приказу командующего чужестранной армии, как это, например, делается сейчас в Корее, чтобы закон об измене вступил в силу.

Фашисты распоясались

Канада все больше наводняется фашистскими элементами. Полтора года назад были отменены ограничения на иммиграцию в Канаду из Западной Германии. Канадская миссия по вопросам иммиграции, находящаяся в Западной Германии, работает днем и ночью, фильтруя желающих переселиться в Канаду. Приоритет предоставляется военным преступникам, которые отнюдь не скрывают, что в прошлом являлись членами отборных отрядов гитлеровских головорезов.

Новая конституция, принятая недавно в Румынии, предусматривает создание Венгерской автономной области на территории с компактным венгеро-секуйским населением. Народно-демократический строй гарантирует полный расцвет культуры нацменьшинств. На снимке: группа венгерских детей — участников кружка художественной самодеятельности одного из домов культуры Венгерской автономной области в Румынии.

Фото Аджерпресс

Видя попустительства со стороны властей, осевшие в Канаде гитлеровцы наглеют день ото дня. Канадская газета «Стар» приводит заявление одного такого «рабочего»-гитлеровца. Указывая на управляющего цехом, в котором он работает, гитлеровец сказал: «Через год мы будем на его, а он — на нашем месте».

Недавно в городе Ванкувере произошел такой случай. К канадскому гражданину Стенли Дерену, мирно беседовавшему на улице со знакомой женщиной, подошел неизвестный. Дерен, поляк по происхождению, говорил на польском языке. «Почему ты не говоришь по-английски?» — грубо спросил неизвестный. «Я имею право говорить на любом языке»,— ответил Дерен. Неизвестный не стал вдаваться в дискуссию. Он ударил Дерена так, что тот упал, был отправлен в больницу и вскоре умер. Ванкуверский судья, разбиравший это дело, приговорил убийцу к... трем часам тюремного заключения и уплате 250 долларов штрафа.

Случай с Дереном не единичен. В том же самом Ванкувере на улице был жестоко избит ирландский священник. На вопрос судьи о том, что побудило подсудимого наброситься с кулаками на незнакомого ему прохожего, тот ответил: «Этот бородатый человек похож на русского большевика».

Сторонников мира в Канаде преследуют и арестовывают за сбор подписей под петициями в защиту мира. Часто и грубо нарушаются права профсоюзов; неугодные реакции профсоюзы «не признаются» в качестве представителей интересов рабочих той или иной отрасли промышленности. Полицейские шпики заходят в помещения рабочих организаций, сидят на собраниях, лекциях, демонстративно делают фотоснимки членов организаций с целью запугать их. «Странно,— писала прогрессивная канадская газета «Вестник»,— до какой степени обнаглела полиция. Полицейские врываются в дома ночью, к некоторым в 2—4 часа ночи, будят детей, действуют, как разбойники».

В обстановке разгула террористических банд проходили в июле текущего года выборы в законодательное собрание провинции Квебек. Банды, численностью до 30 человек каждая, вооруженные холодным оружием, разъезжали на автомобилях и громили штаб-квартиры партий, выступавших на выборах против профашистской партии «Национальный союз». Они производили налеты на избирательные участки и разгоняли избирателей там, где ожидалась победа демократических кандидатов.

При налете на один из избирательных участков в Монреале, где баллотировалась кандидатура руководителя местной организации рабочей прогрессивной партии Карона, были похищены избирательные урны, наполненные бюллетенями.

Канадцы против войны

Канадские партнеры поджигателей войны с Уолл-стрита уже не один год ведут разнузданную антисоветскую кампанию. Однако пропаганда ненависти по отношению к Советскому Союзу слабо действует на народные массы, а разжигаемая в печати военная истерия не выражает мнения простых людей в Канаде.

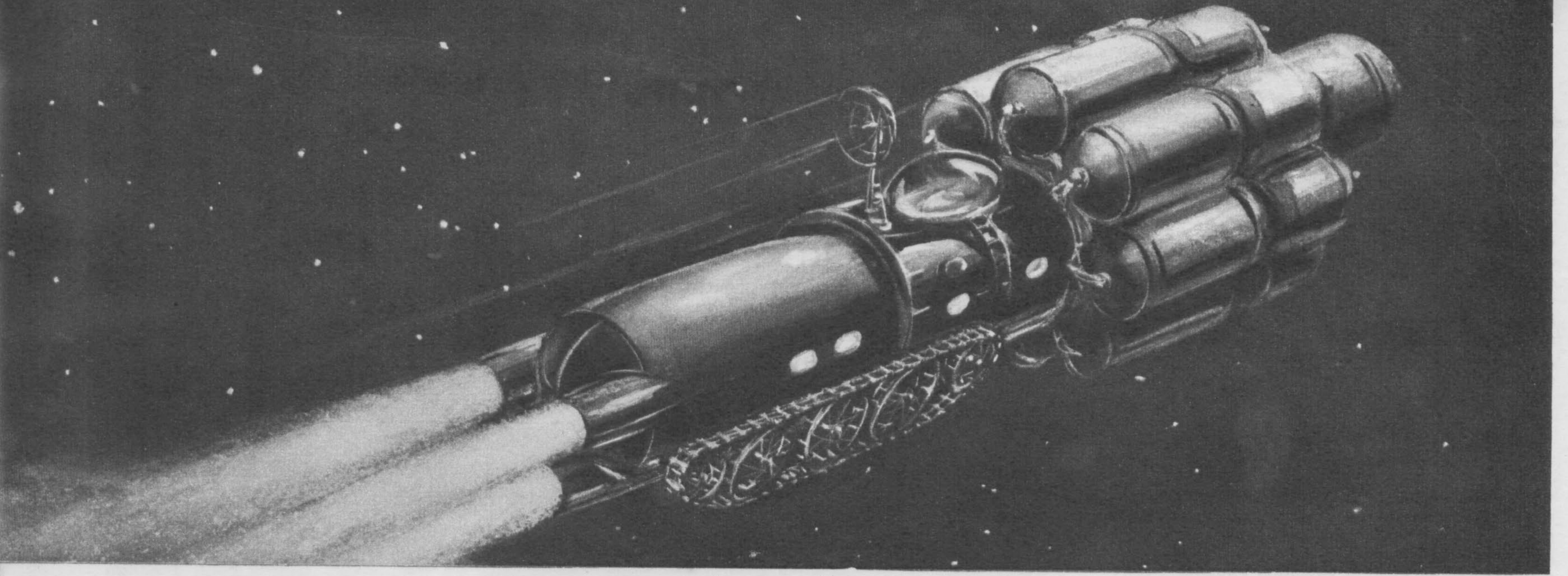
Простые люди Канады все больше осознают, что борьба канадского народа за мир — это не только борьба за сохранение своей жизни и спокойного существования. Это одновременно борьба за независимость Канады от американского империализма, за дружбу со всеми странами мира.

Более двух с половиной тысяч делегатов со всех уголков страны, представляющих самые различные организации, собрались в мае текущего года на 4-й Всеканадский конгресс сторонников мира. Конгресс гневно осудил применение агрессорами бактериологического оружия в Корее и Китае.

Делегаты единодушно приняли «Обязательство мира», текст которого гласит: «Я верю, что мир — единственная надежда на будущность человечества. Я верю, что Канада, моя страна, может быть в безопасности и процветать только в условиях мира во всем мире».

Борьба канадского народа за мир сливается с борьбой за мир других народов и в первую очередь с борьбой народа Соединенных Штатов. Братство этих двух народов в борьбе за мир было продемонстрировано совместным митингом канадских и американских граждан на границе двух стран. В митинге приняло участие более 27 тысяч человек. На митинге с речью и исполнением народных песен выступил знаменитый негритянский певец и борец за мир Поль Робсон, которому американские власти запретили перед этим поездку в Канаду для выступления в концертах.

Канадский народ не желает войны. И в этом он единодушен с народами всех стран мира.

Репортаж-фантастика

„ЛК-3" ЛЕТИТ НА ЛУНУ!

А. ШТЕРНФЕЛЬД

Рисунки Н. Кольчицкого

11 мая 19... года. 22 часа 12 минут по московскому времени. Кабина озаряется красноватым отблеском вспышки ракетных двигателей. Какая-то доля секунды, и наш «ЛК-3» плавно отделяется от Малой Луны — спутника Земли, созданного мыслью и руками советского человека, откуда межпланетные корабли отправляются в космический полет («Огонек» № 12 за 1952 год. «На Малой Луне»).

Ни малейшего толчка! Но сомнений нет, мы уже в полете, сразу ощущаем отрадную перемену: пол кабины притягивает нас к себе. Это дает себя чувствовать сила тяги ракетных двигателей. Когда они прекратят работу, мы опять станем невесомы. Мы весим меньше, чем на Земле, но все же весим!

Под ногами тихо жужжат ракетные двигатели. Они не ревут, не заглушают наши голоса, как двигатели ракеты, которая доставила нас из Калуги на Малую Луну. Их мощность во много раз меньше. На Земле они не смогли бы даже оторвать корабль от пусковой площадки. Но здесь и этих двигателей достаточно, чтобы, преодолев около 400 тысяч километров, донести нас до Луны. Ведь мы мчимся в среде, где нет трения о воздух, где ничто не тормозит наш бег.

Прошло уже полминуты, как ракета отчалила от искусственного спутника, а он все еще отчетливо виден. Мы отдалились от него всего на несколько сот метров. Не верится, что при таких темпах можно на пятые сутки достигнуть цели нашего путешествия. Но к космическим просторам многие обычные представления неприложимы.

Малая Луна так близка к нам потому, что мы пока еще летим почти в одном с нею направлении, как два поезда, мчащиеся с разными скоростями, но почти параллельно друг другу. Пройдет немного времени, и пути нашего корабля и Малой Луны разойдутся. Но теперь они еще близки, и расстояние между ними уменьшается относительно медленно. Но от Земли наш корабль отдаляется с огромной скоростью. Ведь сам искусственный спутник вращается вокруг нашей планеты, делая 7,75 километра в секунду. Стало быть, и наш корабль, как мяч, брошенный из окна поезда на полном ходу, уже в момент взлета имел ту же скорость. Кроме того с каждой секундой он движется все быстрее и быстрее и минут через двадцать помчится со скоростью почти 11 километров в секунду.

Тишина. Двигатели замолкли. Это значит, что они полностью израсходовали первую пару цистерн с двумя отсеками — один с горючим, другой с кислородом. Характерный треск механизмов — перекрываются питающие краны. Опорожненные цистерны автоматически отбрасываются в сторону.

Двигатели, получив новую порцию горючего и окислителя из соседних баков, опять начинают свой ритмичный, музыкальный рокот. На страже курса корабля стоит бдительный прибор — автопилот. Тем не менее мы непрерывно определяем свои координаты и скорость. Весь экипаж занят наблюдениями и вычислениями. Полученные данные проверяем радиопеленгами. Если чуть-чуть изменится скорость, мы разминемся с Луной на десятки тысяч километров.

Вновь наступает тишина: двигатели высосали вторую пару цистерн. Еще два крохотных спутника Земли отправляются в вечное странствие.

В 22 часа 35 минут 18 секунд автомат, следивший за возрастанием скорости, прекращает подачу топлива в камеру сгорания. Жужжание затихает, гаснут снопы огня. Вокруг глубокая чернота безмерного космического пространства...

Летим по инерции. Наша скорость — почти 40 тысяч километров в час. Но она не ощущается, нет даже малейшей вибрации. Кажется, что корабль, спокойно висит в космическом пространстве. Лишь стрелки показателей скорости неопровержимо свидетельствуют о безумной быстроте полета. Теперь, когда двигатели выключены, дает себя знать сила земного притяжения. Она постепенно замедлит наш бег, и через 100 тысяч километров скорость составит всего 1 километр в секунду. Но это не имеет значения. Ведь затем вступит в действие другая мощная сила — притяжение Луны, которая потянет нас к себе.

13 мая. 1 час 20 минут. Громкие голоса товарищей будят меня. Как обидно! Я проспал любопытное событие. Только что корабль миновал неизвестное астрономам крохотное небесное тело, вращающееся вокруг Земли, подобно Луне. Вторая Луна — настоящая, а не искусственная — пронеслась совсем близко от нас и была ясно различима на экране радиолокатора.

Бросаюсь к иллюминатору. Увы, поздно! Не замечаю ничего, кроме мерцания далеких светил.

— Не волнуйся,— успокаивает начальник экспедиции.— Орбита Второй Луны установлена, и наши обсерватории уже не потеряют ее. Немедленно радировать Земле!

Через несколько минут радист огорченно докладывает, что связь с Землей прервана: временно увеличилась непроницаемость атмосферы для электромагнитных волн. Значит, придется прибегнуть к световой сигнализации. Из корпуса корабля выдвигаются зеркала. Отражаемые ими солнечные лучи «полетели» на Землю.

14 мая. 7 часов. Скорость продолжает падать. Но мы уже прошли более трех четвертей пути. Диск Земли сильно уменьшился, а Луна выросла настолько, что оба светила кажутся одинаковыми. Все чаще и чаще возвращаемся мыслью к Родине. Нет-нет, а кто-нибудь подойдет к иллюминатору и взглянет на Землю. На черно-бархатном фоне медленно вращается зеленовато-голубой шар нашей планеты.

16 мая. 7 часов. Скоро начнется ответственный момент — торможение «ЛК-3» перед спуском на Луну.

Звучит команда: «Поворот на 180 градусов!»

Штурман запускает миниатюрный электродвигатель. Стоп! Корабль, описав полуокружность, продолжает свой бег в прежнем направлении, но теперь он летит задом наперед. Стоит запустить двигатели, как выхлопы газа будут толкать ракету обратно и тем самым замедлят движение.

...Мы давно уже в сфере ощутимого притяжения Луны и чем больше приближаемся к ней, тем стремительней падаем. Конечно, с помощью ракетных двигателей мы с самого начала падения могли бы уменьшить его скорость хотя бы до скорости планера. Но в конечном счете длительный расход топлива опорожнил бы баки и лишил бы нас возможности вернуться на Землю. Чем больше хладнокровия и выдержки проявит пилот, чем позже начнет он торможение, тем больше будет запас топлива и тем больше свободы действий останется в нашем распоряжении.

10 часов 50 минут. Быстрота падения уже в шесть раз больше скорости звука, а автоматы бездействуют! Не хочется думать о том, что произойдет, если на такой скорости мы врежемся в Луну. Корабль в ничтожную долю секунды взорвется.

Когда же командир включит ракетные тормоза?

Но он не спешит. Глаза его неотступно следят за яркокрасной звездочкой, которая ползет по карте-экрану, отражая путь корабля. Но вот, кажется, и ему передалось овладевшее всеми волнение. Он поднимает руку и медленно протягивает ее к кнопке включения двигателей. Но автопилот опережает его — двигатели включены.

Спасительное торможение началось! Корабль падает на Луну с быстротой 2 100 метров в секунду... 2 000... 1 900...

Теперь надо превратить корабль в искусственный спутник Луны,

придав ему такую горизонтальную скорость, при которой его падение будет уравновешиваться движением вперед по инерции. Когда стрелка скоростемера пересекает цифру «1 600», автопилот прекращает работу двигателей. Но командир не согласен с решением механизма и еще на секунду включает их.

За два часа семь минут мы совершили полный облет вокруг Луны на постоянной высоте в 190 километров от ее поверхности. Уменьшаем скорость на 44 метра в секунду. Этого достаточно, чтобы начать медленно снижаться по широкой, растянутой дуге.

13 часов 56 минут. До Луны только 13 километров. Все более отчетливыми становятся гирлянды глубоких кратеров, обширные крутые котловины, называемые цирками, и многоярусные нагромождения горных хребтов, пересекаемых широкими, уходящими вглубь лунной коры расщелинами.

Тщательно проверяем запасы топлива. Все в волнении. Если обнаружится перерасход,— прощай Луна! Придется немедленно возвращаться на Землю. К счастью, все в порядке. Есть даже некоторый излишек—свидетельство осторожности и благоразумной предусмотрительности пилота.

Скоро торжественный момент прилунения. Двигатели опять работают на торможение. Летим с тихой, вполне земной скоростью — 45 метров в секунду, знакомой даже пассажирам железнодорожных поездов (162 километра в час). Уменьшается и высота. Луна надвигается на нас с каждым мгновением. Под аккомпанемент последней тормозящей вспышки мягко, как бабочка на цветок, «ЛК-3» опускается на Луну. Эластичные гусеницы, чуть подпрыгивая, движутся по ровной каменистой почве, которой еще никогда не касалась нога человека. Легкий толчок — и корабль останавливается. Мы на той стороне спутника, которая никогда не бывает повернута к Земле.

Бросаемся к иллюминаторам. Перед нами расстилается суровая, безмолвная пустыня, освещенная лучами заходящего Солнца. Хотя мы первые люди на Луне (не считая, конечно, героев фантастических романов), ее топография изучена достаточно подробно. Благодаря экспедиции, год назад совершившей беспосадочный облет вокруг Луны, мы располагаем точными картами ее поверхности.

Корабль посредине большой равнины лунной Антарктики. Мы облачаемся в скафандры и входим в тамбур. Устремившиеся через приоткрытую дверь остатки воздуха поднимают огромное облако серовато-желтой пыли. На Луне из-за отсутствия воздуха и ослабленной силы притяжения пылинки взлетают много выше и опускаются значительно медленнее, чем на Земле.

Итак, свершилось: мы ходим по безжизненной лунной поверхности. Собрав несколько десятков крупных, но чрезвычайно легких глыб застывшей лавы, сооружаем высокий курган. Рядом устанавливаем сейсмограф. Отцепляем от корабля оставшиеся цистерны с топливом. Турбину, приводившую в действие насосы, включаем в силовую передачу гусениц корабля. Теперь он превратился в вездеход.

Направляемся к высокой горной вершине в зоне южного полюса Луны. Продвигаемся по изрытому сухому дну лунного «моря», усеянному остроконечным щебнем.

Вот вездеход выбрался из «моря» и мчится по пологому подъему. Чем выше мы поднимаемся, тем больше бросаются в глаза так называемые светлые лучи. Через горы и низины всюду стелются эти белоснежные, сияющие полосы вулканического пепла.

Наш радиоприемник неожиданно отмечает неизвестно откуда взявшиеся электромагнитные сигналы. Они повторяются через определенные промежутки времени.

— А вдруг это приветствуют нас живые и разумные существа? — шутит радист.

Как бы то ни было, мы едем в сторону позывных. По мере продвижения сигналы усиливаются.

Вдруг водитель вездехода резко тормозит машину. Нам преграждает путь глубокая и широкая расщелина, которая уходит вдаль. Надо перескочить через нее. На полной скорости перебрасываемся на противоположную сторону. На Земле такой прыжок мог закончиться плохо, тут же мы испытываем лишь легкое сотрясение: ведь на Луне, масса которой значительно меньше массы Земли, мы весим в 6 раз меньше, чем на нашей планете, и скорость падения во столько же раз меньше.

Позывные манят нас все дальше на запад, к терминатору — границе света и тени. Пересекаем эту линию и сразу погружаемся в непроницаемый мрак. Пришлось зажечь фары. Где-то очень недалеко брызнул яркий фонтан искр. Вспыхнул, на мгновение озарил мрачный ландшафт и погас, оставив красное, темнеющее пятно. Это метеорит врезался в скалу.

А вот и источник радиосигналов, он виден при свете фар. Загадка разрешилась — это вымпел нашей прошлогодней экспедиции. Перед нами небольшая выгоревшая ракета с радиопередатчиком. Из ее коробки вынимаем свернутый лист бумаги. Это документ, текст которого год назад опубликовали все газеты мира.

Прибавив к найденному нами рапорту краткое сообщение о нашей экспедиции, мы уложили его обратно и закрепили вымпел на вершине ближайшей скалы.

Снова трогаемся в путь. Начинает светать. Из-за горизонта выглянула матово-серебристая корона Солнца. Показался узкий край ослепительно яркого солнечного диска. Первые лучи его ударили в далекую горную вершину, и она засверкала. Вспыхнул еще один такой же могучий фонарь, другой, третий...

На крутом склоне горного хребта вдруг пошатнулась огромная скала, наклонилась и тяжело рухнула, увлекая за собой задетые ею глыбы и камни. Лавина, все разрастаясь, стремительно понеслась вниз, угрожая раздробить корабль. Но водитель, не растерявшись, сделал крутой поворот и вовремя увел нас от опасности. Ни единый звук (на Луне нет атмосферы) не сопровождал этот гигантский обвал, заснятый нашим оператором на пленку. Это явление не удивило нас. Мы знаем, что на Луне вследствие присущих ей резких колебаний температуры горные породы часто растрескиваются.

Поднимаемся к вершинам, вечно утопающим в солнечных лучах. Продвигаться становится все труднее. За одним из поворотов возникает совсем неодолимое препятствие: похожая на стену гигантская серая скала почти вертикально поднимается ввысь. Конца ей не видно ни справа, ни слева.

Решаем прибегнуть к ракетным двигателям (ведь у нас есть еще излишек топлива). Извергнутые кораблем струи газа, врезавшись в зыбкий пепел, подняли чудовищные столбы белой пыли.

Взлетев на несколько сот метров, мы перешагнули через скалу и очутились на вершине лунной Антарктики, откуда открывалась незабываемая панорама.

Наше внимание привлекает Земля. Небывалой яркости и величины, значительно большей, чем видимая с Земли Луна, она висит над зазубринами кратеров и цирков. Мы угадываем очертания материков и океанов.

Кинооператор все время снимает. На пленке запечатляются разнообразные лунные пейзажи: цирки, кратеры погасших вулканов, горные хребты, светлые лучи...

Срок нашего пребывания на Луне подходит к концу. Оно было кратким потому, что цель наша — выяснить возможность посадки на Луну и предварительно исследовать ее поверхность — достигнута. На обратном пути огибаем хребет кольцевой формы. Это, повидимому, погребенные под лавой остатки бывшего цирка.

Идет подготовка к отлету. Проверяются приборы и механизмы. Запись сейсмографа, который зарегистрировал едва не погубивший нас обвал, забираем с собою, а прибор оставляем на месте. Он расскажет будущим исследователям о поведении лунной коры.

Заботливо укладываем собранные образцы лунных пород: пепел, пески всех цветов, зеленоватые закиси железа, куски лавы и вулканического туфа.

17 мая. 14 часов 25 минут. Вспышка ракетных двигателей. «ЛК-3» быстро катится по каменистой пустыне. Секунда, другая, и наши гусеницы отрываются от Луны. Они больше не нужны, и мы сбрасываем их. Горы, скалы, светлые лучи, цирки, расщелины, кратеры с нарастающей скоростью набегают друг на друга и наконец вовсе скрываются из глаз. Огромный уменьшающийся диск повис под нами в пространстве. Прощай, Луна! Впрочем, нет: до скорого свидания!

За счет резервного топлива нам удалось увеличить скорость отлета. Этим сократилась на двое суток продолжительность обратного пути. Вот мы уже в окрестностях нашей планеты.

20 мая. 16 часов 10 минут. Длительный процесс постепенного торможения завершен. Мы вращаемся вокруг Земли по эллиптической орбите, очень близкой к орбите Малой Луны. Очертания искусственного спутника уже ясно различаются нами.

Регулируя скорость и направление, корабль быстро идет с ним на сближение. Экипаж Малой Луны приготовил нам космический планер, на котором мы спустимся на родную планету.

20 часов 50 минут. В лучах заходящего майского солнца Москва видна, как на ладони. Площади и улицы столицы полны людей.

Вот и космодром. По всем дорогам вереницами движутся к нему машины. Сквозь обшивку корабля к нам прорывается радостный и все усиливающийся гул приветствий.

РОЖДЕНИЕ ЭПОПЕИ

В истории нашей страны есть события, к которым искусство будет возвращаться постоянно. Чем больше лет проходит, чем ощутимее становится историческая перспектива, тем яснее: тема Сталинграда, вдохновившая уже немало произведений, ждет и требует от искусства еще более глубокого и всеохватывающего воплощения, ждет и требует **создания эпопеи.**

Девять лет работал Василий Гроссман над первой книгой романа «За правое дело», посвященного Сталинграду.

Действие этой книги течет, как река, глубокая и полноводная, вбирая ручьи и реки личных судеб в могучий поток народной жизни. И главное, решающее достоинство этого произведения именно в том, что писатель все время показывает и самые общие, самые коренные явления жизни народа в годы Великой Отечественной войны и их особенное, неповторимое преломление в жизни каждого героя.

Мы видим скромный и славный путь колхозного активиста Вавилова, начиная от прощания с семьей до героической гибели в Сталинграде.

Перед нами проходит такая сложная, и драматическая, и вместе с тем такая обычная в дни войны история большой семьи сталинградцев Шапошниковых — с проводами на фронт, с работой женщин в госпиталях, с разлуками, эвакуацией, невозвратимыми потерями и неожиданными встречами...

С глубоким знанием военной жизни, фронтового быта, с зорким вниманием к психологии своих героев рисует писатель рост кадровых военных и превращение в стойких воинов вчера еще глубоко штатских людей. Перед нами проходит начало боевого пути полковника Новикова, и хотя в первой книге романа этот герой только еще готовится к воплощению своих смелых военных замыслов, мы уже чувствуем в нем образ полководца великой сталинской школы; на наших глазах юный лейтенант Толя Шапошников вырастает в своем первом и единственном бою в мужественного командира.

С переднего края Сталинградской битвы 1942 года, картины которой написаны талантливой и сильной батальной кистью, писатель возвращает нас к первым боям на границе, ведет на Красную площадь в день парада 7 ноября 1941 года, а потом снова приводит на улицы Сталинграда, в цехи уральских заводов, в шахты Кузбасса, на колхозные поля, вводя все новых и новых героев. Мы видим директора Стальгрэса Спиридонова, который счастлив тем, что его станция даже в часы налета продолжает давать ток; профессора Штрума, летящего на завод в Челябинск, чтобы помочь металлургам во внедрении нового метода; старика-сталевара Андреева, который в дни угрозы Сталинграду снова становится в строй.

Словом, в романе представлены все поколения и все слои нашего общества: колхозники, шахтеры, сталевары, инженеры, врачи, академики...

Великое множество главных и второстепенных героев, которых мы далеко не всех перечислили, не затрудняет читателя; и о связях, соединяющих в романе их судьбы в единое повествование, не думаешь как о связях композиционно-сюжетных. Нет! Их воспринимаешь — а в этом и проявляется сила большого реалистического искусства — как живые отношения самой жизни.

Это происходит потому, что герои вошли в роман о Великой Отечественной войне так, как в действительности они входили в войну: имея за плечами биографию, имея свой характер, семью, привязанности, друзей...

Можно было бы привести как пример несколько центральных образов романа и показать, как всесторонне, в каких многообразных жизненных связях предстают они перед читателем задолго до того решительного, для многих из героев последнего испытания, в котором человек раскрывается без остатка. Но ограничимся одним только образом Вавилова.

Гибель Вавилова в бою за сталинградский вокзал, где он остался последним из всего героически сражавшегося батальона, является высшей точкой в напряженно-нарастающем повествовании первой книги. Когда Вавилов встает, чтобы бросить последнюю гранату, вместе с ним встает во весь свой исполинский рост святая ненависть народа к захватчикам.

«...бойцы 13-й дивизии вдруг услышали со стороны вокзала, где засел окруженный батальон, пулеметную очередь, взрывы ручных гранат, крики немцев, пальбу, разрывы мин, гудение танка.

— Ох, ну и народ, до чего крепок,— изумляясь, говорили красноармейцы.

Но никто не видел из прибрежных зданий, как на вокзале над темной ямой поднялся освещенный косым солнечным светом пожилой человек с запавшими щеками, поросшими черной щетиной, занес гранату, оглянулся светлым, внимательным взором».

И хотя батальон гибнет и гибнет Вавилов, здесь зарождается будущая победа, ибо здесь возникает бессмертная боевая традиция сталинградцев: ни шагу назад!

В этой сцене образ Вавилова возвышается до огромного символа неколебимой народной стойкости и святого народного гнева, ничего не утрачивая при этом в реалистической конкретности и достоверности. Происходит это потому, что писатель любовно и внимательно нарисовал жизненный путь героя. Он показал сплетение душевной тревоги за семью и за страну с прозаическими, казалось бы, заботами в день ухода на фронт, медленное, но цепкое и упорное вхождение Вавилова в военную жизнь; его любовь к труду и выросшую из нее боль при виде разрушенного врагами города; его острое волнение при встрече с беженцами («А ну как и моим так придется!») — все те чувства, из которых выросла ненависть к врагу.

Страницы, где писатель шаг за шагом прослеживает рост героев, их путь к подвигу, сливаются в общую картину движения страны через тягчайшие испытания к победе.

В этом исторический оптимизм, пронизывающий все произведение, в котором так много сцен и глав, написанных с беспощадным трагизмом.

Было бы неверным считать, что роман «За правое дело» — только роман о войне, хотя его действие и происходит в военные годы. Как всякое настоящее эпическое произведение, это — повествование о жизни народа, черты которого особенно явственно раскрылись в годы Великой Отечественной войны.

В него естественно и закономерно входят чудесные страницы о семье, о детях, о любви. Упомянем хотя бы сцену, в которой шахтер Новиков, брат полковника, показан со своей дочерью. Можно напомнить и о тех страницах, где, рассказывая об отношениях Штрума с женой, писатель нашел удивительные по жизненной точности и достоверности детали; и о суровой, боящейся проявить себя любви полковника Новикова к Евгении Николаевне Шапошниковой; и о тетрадках лейтенанта Ковалева, в которых раскрывается чистая и короткая жизнь юноши с его первой любовью и первыми мечтами о будущем; и о щемящей, грустной и одновременно светлой сцене неожиданной встречи майора Березкина с женой и дочерью.

Именно потому, что это повествование о нашей советской жизни, в него естественно входят сцены работы сталеваров, плотников, шахтеров, электриков, написанные с зорким и любовным вниманием к поэзии труда.

Именно потому, что это роман о нашей советской жизни, всегда — и в годы войны — наполненной творческими исканиями, в нем закономерны размышления о науке и об искусстве, о душевном богатстве людей и их воспитании и проникнутые подлинной поэзией страницы о красоте родной земли, о ее лесах и степях, холмах и горах в ранний предрассветный час, в жаркий полдень, в сумрачный прохладный вечер, в звездную темную ночь. В щедрых и точных описаниях природы звучит главная тема книги — тема сыновней любви к Родине.

Решающая особенность стиля Василия Гроссмана отчетливо раскрывается в одной из сцен, где писатель показывает, как можно и как нужно по-человечески тепло, затрагивая самые глубокие и тонкие душевные струны, говорить о самом главном — о Родине, о долге, призывать к подвигам. Комиссар полка Колушкин произносит речь, в которой ему нужно поставить перед людьми новые задачи, еще более трудные, чем те, которые были решены вчера:

«Колушкин не стал говорить по плану, который наметил себе заранее, а начал рассказывать красноармейцам о своей жизни в Сталинграде, о том, как работал на стройке завода, рассказал, как перед войной ему дали квартиру неподалеку от того места, где он сейчас сидит на обгоревшем бревне, рассказал, как болела его старуха-мать, как она просила, чтобы постель ее поставили у окна, из которого видна Волга... Красноармейцы слушали в молчании, и какое-то удивительное чувство близости, родства установилось между людьми, сидевшими среди каменных развалин».

Вот так, как разговаривают эти настоящие коммунисты, пропуская каждое слово, обращенное к народу, через душу, говоря о жизни самыми живыми, самыми простыми словами,— вот так пишет и сам В. Гроссман.

Сочетая великое и житейское, показывая самые большие душевные движения героев и их повседневные, будничные дела и заботы, писатель достигает такой силы повествования, когда герой возникает в нашем воображении как живой человек.

В первой книге романа еще не все персонажи «ожили» до такой степени. Мы с интересом следим за ходом мыслей старого большевика Мостовского, но он не обрел в романе той жизненной конкретности поведения, которая отличает большинство других образов. Нам кажется, что в значительной степени это можно отнести и к академику Чепыжину.

Даже в самой беглой характеристике стиля В. Гроссмана нельзя не сказать о точности, выразительности и емкости слова. Каждая глава романа щедро подсказывает множество примеров. Вот всего несколько строк:

«Он взял ведра и пошел к колодцу. Ведро, погромыхивая об осклизлые стенки сруба, шло вниз, Вавилов наклонился над колодцем, и на него пахнуло холодной влагой, и черный мрак ударил по глазам. В этот миг он подумал о смерти.

Ведро хлебнуло воды сразу по самый край. Оно шло вверх, и Вавилов слушал, как вода падала на воду, и чем выше поднималось ведро, тем звонче становился этот звук. Ведро выплыло из тьмы, и быстрые струи сбегали с него, торопливо и жадно устремлялись обратно во тьму».

Помимо прекрасного по своей точности описания, здесь заключен глубокий поэтический символ: переход от гнетущего мрака к свету.

Мы закрываем книгу, отчетливо ощущая, что к созданию эпопеи о Сталинграде Василий Гроссман был подготовлен всем своим предшествующим творческим путем. Ибо главная особенность его творчества, проявившаяся и в романе «Степан Кольчугин», и в повести «Народ бессмертен», в лучших его предвоенных рассказах и очерках военных лет,— знание жизни народа, жизни повседневной и героической в подвигах и в труде, и умение изображать эту жизнь так, как она сама того требует: с простотой и естественностью настоящего большого искусства.

Сергей ЛЬВОВ

Василий Гроссман. За правое дело. Роман. Книга первая. «Новый мир» №№ 7—10. 1952.

В. И. Суриков. СТЕПАН РАЗИН. 1907 ГОД

Государственный Русский музей. Ленинград

«Огонек». 1952

В. И. Суриков (1848—1916). С ГИТАРОЙ. 1882 ГОД.   Из акварельного фонда Государственной Третьяковской галереи.

СУДЬБА АКТРИСЫ

Любимая роль актрисы и зрителей — Джамиля («Бай и батрак» Хамзы) (фото слева).

Большое место в репертуаре актрисы занимает русская классика. В «Каменном госте» А. С. Пушкина Ишантураева играет Дону Анну (фото справа).

И. ВЕРШИНИНА

«Гафурджан!.. Не забывай меня!.. Отомсти баю за меня, за ребенка!.. Отомсти всем баям...»

Боль за растоптанное счастье, тоску по любимому, изнывающему в заточении в Сибири, обиду за рано обрывающуюся жизнь вложила актриса в эти последние слова Джамили.

Поникает хрупкая фигурка, замертво падает на тахту... Идет занавес.

Долгая пауза. Зрители еще не пришли в себя, еще не справились с пережитым. А затем гулом морского прибоя понеслись овации.

Задумчивая, обессиленная, мешая ладонью слезы с гримом, встает актриса и тихо выходит из-за кулис на поклон.

Вот уже 13 лет играет Сара Ишантураева роль Джамили — полюбившейся баю жены батрака Гафура («Бай и батрак» Хамзы Хаким-заде Ниязи), и каждый спектакль щемящая боль теснит сердце актрисы. Правы зрители, когда говорят: «Чтобы так сыграть, надо все это самой пережить». Не чтение книг о далеком прошлом, не рассказы дряхлых стариков — личные воспоминания послужили Ишантураевой материалом для создания роли.

...В небольшом кишлаке Беш-Булаке маленькая Сарахон играет одна во дворе, а за дувалом стоит безмолвная женщина и полными скорби глазами смотрит на нее. Когда Сарахон выросла, она узнала, что женщина эта была ее родная мать, вынужденная после смерти мужа раздать чужим людям своих троих детей. Девочку пригрела бездетная семья такого же батрака, каким был ее отец. Больше она свою мать не видала.

Через несколько лет приемный отец нанялся в батраки к жестокому, старому Артык-баю, и семья переехала в Ташкент. На маленький двор, где жила прислуга, постоянно доносились с байской половины вопли женщин: это бай истязал своих жен. Забравшись на дерево, Сарахон не раз видела, как бьет он нагайкой привязанную к колонне террасы молодую красивую женщину — младшую жену, вымененную им у обнищавших родителей на корову. Ужас и тревога охватывали маленькую свидетельницу этих зверств.

А потом пришло самое страшное. Отец вынужден был продать восьмилетнюю девочку баю. Память и сегодня сохранила встречу с баем, его слащавую речь да причитания и вопли матери, твердящей: «Не отдам! Лучше пусть с нами умрет с голода». Отец расторгнул сделку, но непокорного батрака выгнали на улицу.

Вот почему с такой страстью обличает народная артистка дикость, произвол, жестокость властителей старого Узбекистана, вот почему роль эта так волнует зрителя.

Когда узбекский народ строил Большой Ферганский канал, в гости к строителям со спектаклем «Бай и батрак» приехал Академический театр драмы имени Хамзы. После спектакля к Ишантураевой подошел старик. Приложив руку к сердцу, он низко поклонился актрисе: «Спасибо тебе, дочка, что показала сестру мою. Но поведай мне, как смогла ты узнать о ее судьбе?» Сарахон в ответ рассказала о своем прошлом, рассказала и о том, как научилась искусству сцены, как стала артисткой.

В 1924 году группа артистов первого узбекского профессионального театра — ныне театра имени Хамзы — поехала в Москву изучать лучшее в мире русское театральное искусство. Через год из Ташкента прибыло пополнение — участницы художественной самодеятельности интерната: тоненькая, застенчивая 14-летняя Сара Ишантураева и ее неизменная подружка и сверстница бойкая и разбитная Турсун-ой.

Педагоги сначала растерялись: что делать с такими маленькими девочками, с чего начинать их воспитание? Но девочки сами нашли ответ на этот вопрос — актрисы вступили в пионерский отряд. Пионерки были трудолюбивы, они понимали, что в Москве им многое надо узнать. Они не теряли времени. Утром — занятия в студии, днем — чтение книг, вечерами — посещение прославленных русских театров.

Так формировался творческий облик молодых советских актрис.

Возвратясь в родной Узбекистан по окончании студии в Москве, Ишантураева, отстаивая свое право заниматься искусством, вступила в упорную борьбу с буржуазными националистами. Боролась она и за то, чтобы театр стал близок народу. Особенно ополчились буржуазные националисты против вовлечения женщин в театр. Прежде женщинам был запрещен не только вы-

Сцена из спектакля «Отелло» Шекспира. Дездемона — народная артистка Союза ССР С. Ишантураева. Отелло — народный артист Союза ССР А. Хидоятов.

ход на сцену (их роли играли мужчины), но и пребывание в зрительном зале. В этой борьбе гибнут юные актрисы — красавица Нурхон, убитая родными, а затем и многолетняя соратница Сары, талантливая Турсун-ой. Подвиг первых девушек-актрис запечатлен в письме узбекского народа великому Сталину.

«На сцену, Турсун-ой, пошла бороться ты
С невежеством, — и смерть нашла в колодце ты.
За тот же грех Нурхон жизнь отдала свою,—
И мы их так же чтим, как тех, кто пал в бою».

В этой сложной обстановке мужает искусство С. Ишантураевой.

Добиваясь равноправия узбекской женщины, Ишантураева стремится говорить об этом и со сцены. Но в пьесах национальных драматургов образы женщин занимали в то время второстепенное положение.

В 1928 году Ишантураева играет роль Дильбар в пьесе К. Яшена «Два коммуниста». Дильбар — жена коммуниста — совершает смелый поступок, желая спасти мужа. Актрисе тесны были рамки роли; в каждое слово, в каждую сцену она пыталась вложить социальное содержание. Образ, созданный Ишантураевой, перерос написанное в пьесе. И писатель переделывает драму: в новом варианте Дильбар — сознательный боец революции.

Заботясь непрестанно о создании узбекской драматургии, Ишантураева воплощает на сцене и образы мировой и русской классики.

В 1935 году в театре имени Хамзы впервые зазвучал на узбекском языке Шекспир. Актерам узбекского театра, вся история которого насчитывала к тому времени только 15 лет, удалось глубоко проникнуть в замысел трагедии «Гамлет», раскрыть его в яркой и понятной форме. Народ полюбил спектакль — около месяца беспрерывно, по настоянию зрителей, приезжающих даже из дальних кишлаков, ежевечерне шел спектакль. Имена Гамлета-Хидоятова, Офелии-Ишантураевой были у всех на устах.

Семнадцать лет не сходит эта бессмертная трагедия со сцены узбекского театра, и неизменной исполнительницей роли Офелии остается Ишантураева.

Катерина в «Грозе», Лариса в «Бесприданнице», Лауренсия в «Овечьем источнике» Лопе де Вега — в каждой из этих ролей актриса подчеркивает стремление к свободе, протест против угнетения. И хотя многие героини Ишантураевой умирают на сцене, в ее игре нет ни тени мелодраматизма, сентиментальности. Творчество ее полно мужества, жизнеутверждения, человеколюбия.

Вот почему, когда в 1938 году узбекский народ посылал лучших своих людей в Верховный Совет республики, в числе своих кандидатов он назвал имя любимой актрисы. А в 1946 году и снова в 1950 Ишантураева избрана была в депутаты Верховного Совета Союза ССР.

Народную артистку, народного депутата, можно увидеть рано утром склоненной над сметой ремонта школы или горячо обсуждающей с приехавшим председателем колхоза план уборки хлопка. Оснащение больницы или проведение водопровода в кишлаке — во все вникает народный депутат. В коридорах министерств часто можно увидеть стройную, легкую фигуру маленькой женщины, на груди которой колодка из пяти орденских ленточек.

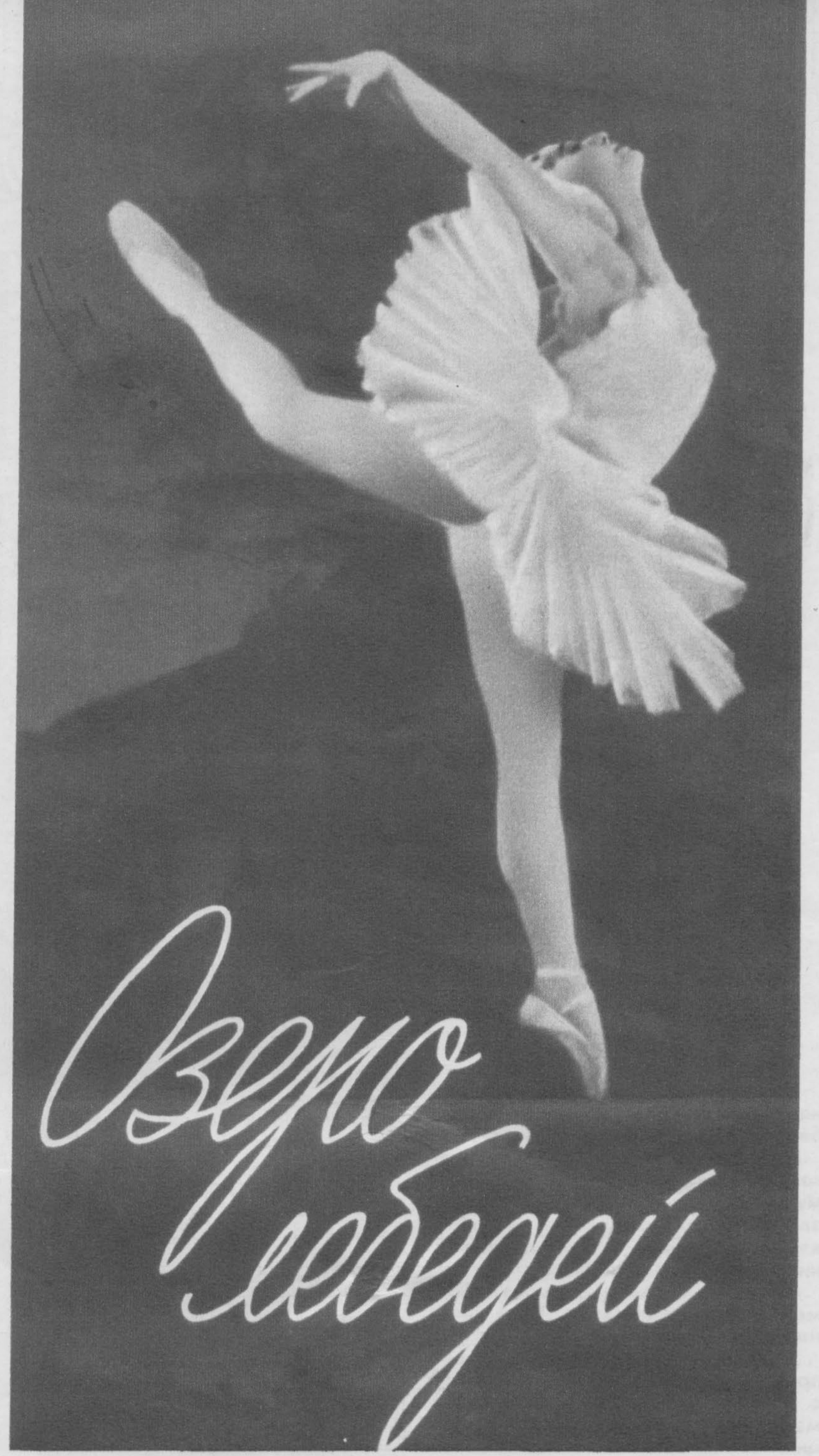
Трибуна и сцена, театральные кулисы и кишлак — толстая тетрадка с новой ролью и папка депутатских дел...

Страстный, задушевный голос актрисы звучит со сцены и с трибуны. Он звучал во время войны на собраниях женщин, бравших на воспитание сирот погибших бойцов, его слушали на конференциях сторонников мира. Актриса-коммунистка выступала с трибуны партийного съезда своей республики. Она призывала драматургов создавать пьесы о счастливой жизни свободной, равноправной узбекской женщины — строительницы коммунизма. Коммунисты Узбекистана ныне избрали Ишантураеву в свой Центральный Комитет, а в октябре 1952 года в числе лучших коммунистов республики народная артистка была послана делегатом на XIX съезд Коммунистической партии Советского Союза.

За участие в спектакле «Алишер Навои» группе работников театра имени Хамзы присвоены звания лауреатов Сталинской премии. В их числе Алим Ходжаев — Алишер Навои — и С. Ишантураева — возлюбленная поэта, Гули.

Фото М. Розенкранца

Заслуженная артистка РСФСР М. Плисецкая — Одетта (Большой театр СССР).

Н. ВОЛКОВ

Три четверти века минуло с того дня, когда в 1877 году на сцене Московского Большого театра был впервые поставлен балет П. И. Чайковского «Лебединое озеро». И вот в одной из комнат Дома-музея Чайковского в Клину развернута ныне выставка, посвященная первенцу балетной музыки великого русского композитора.

В нотных листах партитуры, в эскизах, рисунках и макетах спектаклей, в портретах автора и тех, кто осуществлял различные постановки «Озера лебедей», как вначале называл свой балет Чайковский, в фотографиях исполнительниц и исполнителей от первых постановок до последних театральных сезонов наглядно проходит творческая и сценическая история «Лебединого озера». Внимание приковывает скромная статистическая справка — свидетельство необычайной притягательности для зрителей прекраснейшего творения гения русской музыки. Из этой справки мы узнаем, что за один только 1950 год спектакль «Лебединое озеро» был поставлен в 25 городах, прошел 405 раз и привлек в зрительные залы свыше 370 тысяч человек. Поистине неувядаема красота мелодий «Лебединого озера»! Вот пронизанная трагичностью тема зачарованных лебедей, вплетенная в музыку вступления. Вот блестящий и праздничный «Крестьянский вальс» или музыка второй картины, на берегу озера. Здесь в прихотливом чередовании проходят то веселые, то грустные, нежные и грациозные танцевальные мотивы с центральным дуэтом — адажио принца и Одетты. Какая тишина царит в эти минуты в театре! Кажется, слушатели покорены этим расцветом любви, для которой не страшны никакие силы зла, любви, которая сильнее смерти.

А на сцене в голубоватом свете луны свиваются гирлянды девушек-лебедей с печальной Одеттой во главе. И как много в этом торжестве русского классического танца раскрыто больших человеческих чувств! Недаром один из тончайших исследователей творчества Чайковского, Б. В. Асафьев, назвал «Лебединое озеро» «лири-

Заслуженный артист РСФСР Ю. Кондратов — принц и народная артистка РСФСР М. Семенова — Одетта (Большой театр СССР).

Фото Е. Умнова

Народная артистка СССР Г. Уланова — Одетта на сцене Большого театра СССР.

Фото А. Гаранина

ческим танцем-песней», — «альбомом задушевных песен без слов», — такое богатство сердечности, задушевности вложено Чайковским в музыку его «Озера лебедей». Нельзя без волнения внимать всем этим вальсовым волнам, звуковым переливам, четким и гибким ритмам...

И есть еще одно драгоценное качество у «Лебединого озера» — это его ярко выраженный чисто русский национальный строй образов. Казалось бы, что имеют общего с Россией какой-то средневековый принц Зигфрид, Одетта — королева лебедей, злая Одиллия и вообще все эти владетельные принцессы и князья, обитающие в замках с остроконечными башнями? Но вот взмах палочки дирижера — и все это внешне-сюжетное отходит на второй план, и девушка-лебедь воспринимается как глубоко родной образ наших сказок и сказаний.

Еще в первых строках «Слова о полку Игореве» вещий Баян, начиная свою песнь, будто «десять со́колов на стаю лебединую» пускал, «персты свои вещие на живые струны клал»... Образ лебедя вошел и в пушкинскую сказку о царе Салтане и снова и снова воскресает перед зрителем в оркестровой ткани «Лебединого озера», в неповторимом очаровании девушки-лебедя.

«Лебединое озеро» Чайковского, пожалуй, как никакой другой из русских балетов, дает широкий простор классическому танцу. Многие замечательные русские танцовщицы в смене поколений запечатлели свое имя рядом с именами Одетты и Одиллии, особенно в танцах, созданных в 90-х годах прошлого века талантливым балетмейстером Львом Ивановым. Новые оттенки внесли в исполнение роли Одетты и ее черного двойника Одиллии наши прославленные советские танцовщицы, начиная от Галины Улановой, Марины Семеновой, Натальи Дудинской, кончая совсем юными исполнительницами.

«Лебединое озеро» знаменовало собой начало одного из важнейших этапов в развитии русского балета. Новое понимание балетного искусства как художественного средства воплощения жизненной правды на сцене утвердил в своем первом балете Чайковский.

И потому чудесное «Лебединое озеро» не «обмелеет» с годами, не зарастет зеленой ряской. И снова и снова на сценах наших театров будут плыть девушки-лебеди по блестящему зеркалу вод в струящихся мелодиях скрипок, арф и виолончелей оркестра Чайковского.

Народная артистка РСФСР Н. Дудинская — Одетта (Ленинградский государственный Академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова).

МИКОЛАШ

АЛЕШ

Миколаш Алеш. Портрет работы народного художника Чехословакии Макса Швабинского.

К столетию со дня рождения

«Своим трудом я хочу будить народ, хочу способствовать его возвращению ...к независимости и самостоятельности...» — эти слова принадлежат чешскому патриоту-демократу, борцу за национальное реалистическое искусство, выдающемуся художнику Миколашу Алешу, столетие со дня рождения которого народы Чехословакии отмечают в текущем году.

Алеш родился 18 ноября 1852 года в местечке Миротицы, на юге Чехии, в семье деревенского писаря. Детство и юность художник провел в нужде. Уже ребенком он обнаружил склонность к рисованию. После окончания реального училища в 1869 году Алеш был принят в Пражскую художественную академию.

Вышедшему из народа художнику была органически чужда та далекая от жизни живопись, которую насаждали в учебных классах академии. Не мог примириться Алеш и с господством реакционной немецкой романтической школы, ее догматизмом и прилизанным письмом. За выступления против реакционера-профессора художник был арестован и несколько дней провел в заключении.

Подлинной школой для Миколаша Алеша стало творчество основоположника чешской национальной живописи Иозефа Манеса (1820—1871). Народность, самобытность и реализм лучших произведений Манеса были близки и понятны Алешу. Развитию и укреплению этих начал в чешском изобразительном искусстве художник посвятил свою деятельность.

В начале своего творческого пути Алеш обратился к историческим темам. Его привлекали революционные эпохи — гуситского движения, антифеодальных крестьянских мятежей. В письме к писателю Ирасеку в 1877 году Алеш писал: «Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что эпоха гусизма и ее крестьянские войны... наиболее показательны в нашей истории». В том же году он выступил на выставке с картиной «Гуситский табор» — свидетельством подлинной народности гуситского движения.

В течение трех лет Алеш работал над эскизами оформления фойе Национального театра в Праге, строительство которого было крупным событием в культурной жизни Чехии второй половины XIX века. Особенно интересны картоны цикла «Родина», объединенные единым замыслом художника — образами прошлого будить веру в будущее, звать к действию, борьбе. Тематика эскизов разнообразна: тут и суровый древний страж, охраняющий границы Чехии, и родные пейзажи, кующий меч кузнец, разнообразные изображения древних воинов, сказочно-романтические образы народных легенд.

Несмотря на то, что в конкурсе на оформление театра Алеш одержал победу, реакционными кругами он не был допущен к осуществлению своих проектов и в росписи фойе участия принять не смог. «Палитру выбили из рук»,— с горечью писал об этом Алеш.

Будучи лишен возможности выступать с большими полотнами, Алеш обратился к книжной графике. Он справедливо считается виднейшим представителем своеобразного реалистического стиля книжных иллюстраций, получившего распространение в Чехии в прошлом веке.

Алешу-иллюстратору принадлежат тысячи рисунков, большинство из которых печатались в журналах («Палечек», «Кветы» и других). Это были иллюстрации к произведениям прогрессивных чешских писателей — Челаковского, Немцовой, Неруды, Ирасека, Чеха. С тремя последними Алеша связывала многолетняя идейная дружба.

Большинство же рисунков Алеша навеяно народным творчеством, особенно песенным. Текст революционной народной песни 1848 года «Перед боем», зовущей к борьбе с дворянством, Алеш сопроводил изображением готовящихся к уличному бою с правительственными войсками пражцев. В центре рисунка юноша, он держит развевающееся знамя, над головой занесена сабля. Его поза и фигура, как и самая песня, зовут к революционной борьбе. Это отвечало устремлениям художника. В письме к товарищу (1868 г.) он писал: «Если бы уж произошла революция, было бы нам лучше».

Народная песня «С барщины», в которой крепостные грозят расправой барам-угнетателям, побудила Алеша нарисовать сурового, полного решимости действовать, вооруженного гуситским цепом и валашкой (топориком) крестьянина.

Глубокое сострадание к деревенской бедноте выражено в другом рисунке — к песне «За хлебом», в которой говорится о несчастной доле крестьян, заставляющей их «с утра до ночи, от весны до зимы» скитаться на чужбине в поисках хлеба. Алеш хорошо знал цену хлеба: он и его семья часто оставались полуголодными даже тогда, когда художник стал знаменит.

В 1907 году Алеш издал книгу «Шпаличек» («Улей»), которая была первым собранием его разбросанных в различных изданиях рисунков на темы народного творчества. Популярность «Шпаличка» была необычайно велика.

Как и все передовые деятели чешской культуры XIX века, Алеш был большим и искренним другом России, мечтавшим о том времени, когда русские придут на помощь угнетенным славянам.

Мечта художника сбылась. Независимые и свободные народы Чехословакии, создавая свою новую, социалистическую культуру, бережно хранят в памяти имена своих прогрессивных деятелей прошлого. И среди них одно из самых первых и почетных мест принадлежит Миколашу Алешу.

Л. КИШКИН

Рисунок к народной песне «С барщины».

«За хлебом» — рисунок к одноименной народной песне.

НА КОЛЬЦЕВОЙ ТРАССЕ

ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ
АВТОПАРК
ПЕРЕХОД НА ВН КРУГ
САН АВТО
САН ПУНКТ
КОНТР. СУДЬЯ, ТЕЛЕФОН
ИРУ-ТАЛЛИН
ПОВ. КАЛЬМИСТУ
СТАРТ-ФИНИШ
ВИЙМЭИ
ПОВ. ЛЮКАТИ
ПОВ. ПИРИТА
ПИРИТА
ПОВ. КЛООСТРИМЕТСА
ПОВ. РУММИ
ПОВ. РАНДВЕРЕ
ПОВ. КОЗЕ
ТАЛЛИН
ТАЛЛИН

Сергей Овчинкин на повороте.

Победителя подхватили вместе с его машиной и понесли на руках.

В. ВИКТОРОВ

Фото Г. Вайдла

В этом старинном городе стремительные машины со снятыми глушителями встречались на каждом шагу. Яростный их рев в узеньких улочках то нарастал с грозной силой, то почти затихал. Сколько здесь было мотогонщиков и сколько болельщиков! Сергея Овчинкина всегда удивляло пристрастие эстонцев к этому спорту больших скоростей. Когда для участия в кольцевых гонках в Таллин съезжались сильнейшие гонщики страны, десятки тысяч зрителей окружали дистанцию, толпились на самых трудных поворотах, а победителя подхватывали вместе с его машиной и несли на руках, подбрасывали в воздух, выражая этим свой восторг, свое признание.

Лестно было побеждать в трудной борьбе местных гонщиков, которые чуть ли не круглый год тренировались на кольцевой трассе и знали на ней каждую выбоинку, каждый вираж.

Дистанция этой трассы, построенная под Таллином в сосновом лесу, по праву считается одной из самых сложных. Вдоль шоссе тянутся деревья. На особенно крутых и опасных поворотах стволы сосен прикрываются мешками, набитыми соломой, но от этого повороты не становились безопасней, а путь прямее. Дистанция гонки составляла 202,4 километра — тридцать кругов; это значило, что гонщикам надо было преодолеть 630 поворотов.

Еще в первые годы увлечения мотоспортом Сергей Овчинкин много слышал от своего учителя Евгения Грингаута о кольцевой таллинской трассе. Овчинкин учился тогда в одном из ремесленных училищ Москвы и по вечерам посещал автомотоклуб «Трудовые резервы». Там-то он и встретился с Грингаутом — одним из лучших мотогонщиков страны. Грингаут считал кольцевую трассу одной из самых трудных, а победу в этом соревновании — одной из самых почетных. Однако, когда его молодой ученик подолгу засиживался над схемой кольцевой трассы Пирита — Косе — Клоостриметса, представляя себе гонку по замкнутому кругу, Грингаут посмеивался и говорил Овчинкину, что кольцевая трасса берет свое начало не в пригородном лесу под Таллином, а в городском гараже.

Конечно, тот, кто намерен испытать свои силы на кольцевой трассе, должен отлично изучить каждый ее поворот, должен научиться брать эти повороты быстро, смело, почти не сбавляя газа. Для этого надо знать все повороты кольцевой трассы, которые, подобно рифам на курсе корабля, обозначены в «лоции» мотогонщика. Этой «лоцией» и была схема кольцевой трассы.

Для того чтобы принять участие в гонках по кольцевой трассе, надо было не раз и не два изъездить ее, установить для себя десятки ориентиров, которые будут служить знаком к началу поворота. Это все так. И все же борьба

на кольцевой трассе начиналась не на шоссе, а задолго до старта, у слесарных верстаков, в гараже, где готовились к трудной гонке машины.

— Любишь кататься, люби и саночки возить, — говорил, посмеиваясь, Грингаут своим ученикам, отправляясь с ними в гараж. И по тому, как «возили саночки» молодые гонщики, по тому, как они работали в гараже, угадывались их спортивные возможности.

Сергея Овчинкина Евгений Иосифович Грингаут тоже заметил на занятиях в гараже. Этот невысокий, плотный паренек, молчаливый, старательный, выделялся среди четырехсот ребят своей рабочей хваткой, пытливостью, каким-то особым азартом.

И Грингаут не ошибся. Когда он начал занятия с Овчинкиным на шоссе, на кроссовой дистанции, он убедился в том, что этот паренек далеко пойдет. Овчинкин выиграл свое первое соревнование — кросс новичков в Сокольниках,— и вскоре его можно было увидеть среди участников первенства СССР на Минском шоссе под Москвой.

В 1952 году Овчинкин не знал поражений. Теперь он готовил свою машину к самым важным, самым интересным соревнованиям сезона — на кольцевой трассе в Таллине.

Снова и снова проходил Грингаут со своими учениками самые трудные повороты — «Городской», «Эсобразный», «Пириту», «Румми», «Рандвере», «Люкати». Каждый поворот кольцевой трассы имел свое название, свой характер и требовал самых разнообразных приемов. На одних поворотах можно было почти не замедлять скорости, другие требовали почти полной остановки машины, когда скорость со 150 километров падала сразу до 20. Там были повороты влево, что всегда легче, и повороты вправо, требующие полнейшего внимания и осторожности. Были повороты, при которых машина взлетала в воздух, как с трамплина, и повороты, когда мотоцикл почти вылетал с асфальтового полотна в лесную чащу.

Торжественно выглядит гоночный круг в дни крупных соревнований. Сплошным потоком устремляются к месту старта, на дистанцию многочисленные зрители. Среди сосен раскинули свои лагери автомеханики, разложив на длинных столах инструменты, выставив на траве ведра с горючим. Ровным строем вытянулись вычищенные, сверкающие на солнце мотоциклы, даже в состоянии покоя словно летящие вперед.

Все ближе и ближе момент старта. Вот уже, подталкивая свои машины, сходятся участники гонки к стартовой черте. Они выстраиваются, надевают очки и, взявшись за руль, ждут команды. До старта 30 секунд. Звучит судейская команда: «Приготовиться!» — и гонщики, наклонившись вперед, ждут следующей команды: «Внимание!» А вот и последнее короткое слово: «Марш!» Спортсмены разом толкают машины, переходят на бег и одновременно, прыгая в седла, отпускают рычаги сцеплений. Заработали двигатели. Все наполнилось грохотом, легкий бензиновый дымок примешался к запаху нагретой хвои, и вот уже никого нет на стартовой черте, только там, впереди, на километровой прямой, мелькают низко пригнувшиеся к рулям, затянутые в кожу фигуры гонщиков...

Когда Сергей Овчинкин уселся на задней подушке, распластавшись вдоль корпуса своей машины, и дал полный газ, он увидел впереди себя своего товарища Севастьянова. Как удалось ему сразу же вырваться вперед? Но тут же эта мысль исчезла, растворилась, как дымок еще не разогревшегося двигателя.

Первый круг Севастьянов шел со скоростью свыше 100 километров в час. Овчинкин держался за ним и не видел, как его с каждым поворотом колеса нагоняет Грингаут, а за тремя первыми мчались Маслов из «Трудовых резервов» и прошлогодний чемпион страны динамовец Степанов.

Пройдены второй круг, третий, четвертый. Поворот следует за поворотом, и Овчинкин наклоняет машину, стараясь проходить каждый поворот с предельной скоростью, как можно укорачивая тормозной путь.

На многих поворотах обгон был затруднен, и это мешало ему догнать Севастьянова; прямых на трассе не так уж много для того, чтобы до конца использовать скорость своей машины, свое страстное стремление вырваться вперед, возглавить гонку...

Пройдено десять кругов — Севастьянов попрежнему первый. Еще четыре круга позади, и на исходе пятнадцатого Овчинкин, приподняв голову от руля, внезапно увидел, что Севастьянов, сойдя с машины, стоит у обочины. «Наверное, тормоз сдал,— подумал он, проносясь мимо,— вот когда начнет сказываться работа в гараже».

Теперь впереди никого не было, но, беря один из крутых поворотов, Овчинкин краем глаза увидел за собой Грингаута, а за ним машину Степанова.

На двадцать первом круге к ним приблизился Михаил Есырев. Так вчетвером они продолжали бесконечное движение по семикилометровому кругу, не замечая этого. Им казалось, что они несутся по бесконечной петлистой дороге, и каждый поворот, уже взятый раньше, ощущался ими как новое, еще неведомое препятствие. С ходом гонки постепенно притуплялось чувство скорости. Это серьезная угроза, при которой машина перестает «вписываться» в вираж и в любой момент может вылететь на полной скорости с асфальтового полотна в лес, на деревья. Значит, нужна предельная осторожность.

На двадцать четвертом круге, за 40 километров до финиша, Овчинкин выигрывал у Грингаута около 40 секунд, но затем этот просвет стал быстро сокращаться. Все свои силы, все свое мастерство, всю свою волю использовал Евгений Грингаут для того, чтобы догнать Овчинкина, вырвать у него почетную победу. На это есть все шансы. Машина работает хорошо. Предпоследний круг Грингаут проходит на такой скорости, что зрители невольно прикрывают глаза, когда мимо них, почти не тормозя на поворотах, проносится опытный спортсмен. Тахометр показывает предельные обороты. Средняя скорость 106,5 километра в час. Еще 16 секунд отыгрывает Грингаут у Овчинкина. Остается последний круг, последние двадцать поворотов, но поздно, поздно. Овчинкин, до которого, кажется, можно дотянуться рукой, недосягаем. Слившись с машиной, он мчится к финишу, и тысячи зрителей, окруживших трассу сплошным кольцом, приветствуют его такой бурей аплодисментов, что они заглушают рокот мотора. Последняя прямая, последние такты двигателя, последние усилия человека — и победитель этой захватывающей гонки проносится через финишную черту. А вслед за ним заканчивают гонку Евгений Грингаут и Михаил Есырев.

Через несколько минут мы увидели их рядом, трех гонщиков ВВС. Они стояли около своих пышущих жаром машин и пожимали друг другу руки.

Через несколько минут после финиша мы видели их рядом (слева направо): Михаила Есырева, Сергея Овчинкина и Евгения Грингаута.

ОНИ ВПЕРВЫЕ СТАЛИ ЧЕМПИОНАМИ

Школьница Нина Коссова

Это был обычный урок физкультуры. Раскрасневшиеся девочки с увлечением прыгали в высоту. Увлеченные борьбой, школьницы не обратили внимания на то, как в зал вошел незнакомый мужчина. Он поздоровался с преподавателем и сел в сторонке на скамейку.

Веревочка поднималась все выше и выше. Несколько учениц продолжали прыгать.

Нина Коссова — худенькая, стройная девочка с темными косичками, собранными в пучок,— быстро разбежалась и легко перепрыгнула через веревочку. И в то же время зазвенел звонок. Школьницы нехотя построились в шеренгу. Учительница подошла к мужчине, который сидел на скамейке.

— Коссовой остаться, остальные свободны! — объявила преподавательница.

Виктор Ильич Алексеев, тренер ленинградской спортивной школы общества «Зенит», посещает обычно все детские соревнования, бывает на уроках физкультуры в школах, ремесленных училищах. Здесь отыскивает он способных мальчиков и девочек, из которых затем готовит отличных легкоатлетов.

Четыре года назад Виктор Ильич увидел на уроке физкультуры тринадцатилетнюю Нину Коссову. Опытный глаз педагога сразу подметил в ней природную резкость, гибкость, большую ловкость. Тренер стал заниматься с девочкой прыжками.

В просторном зале Ленинградского манежа гулко раздается голос тренера:

— Опять медленно переносишь ногу через планку. Давай еще раз!

— Не получится, Виктор Ильич. Наверно, двадцатый раз пробую...

— Получится. Еще сорок — пятьдесят раз прыгнешь, а своего добьешься.

Девочка снова отходит от планки и начинает разбег. Тренировка продолжается...

Свою первую спортивную победу Нина одержала в 1950 году. Тогда она стала чемпионкой Ленинграда среди девушек. Следующий сезон принес ей новые успехи. Наконец, в этом году она впервые участвует в чемпионате СССР по легкой атлетике, соревнуется с лучшими спортсменками страны.

Планку, установленную на высоте 158 сантиметров, преодолевают Нина Коссова, молодая ленинградка комсомолка Людмила Мочилина и опытная спортсменка Галина Ганекер. Следующую высоту — 161 сантиметр — берет только Коссова.

— Семнадцатилетняя ленинградская школьница-комсомолка Нина Коссова завоевала звание чемпионки страны по прыжкам в высоту! — объявляет диктор, и взрыв аплодисментов проносится по стадиону, приветствуя успех юной спортсменки.

Нина Коссова.
Фото Ю. Шаламова

В. ФРОЛОВ

Московская футбольная команда Автозавода имени Сталина — «Торпедо», выигравшая финальное состязание на «Кубок СССР» в 1952 году. Слева направо: Б. Сафронов, М. Бычков, П. Соломатин, В. Хренов, Л. Тарасов, В. Ващкевич, В. Петров, Ю. Чайко, Ю. Золотов, О. Михайлов, А. Гомес.

Фото А. Бочинина

Последний мяч

Футбольная команда «Торпедо» завоевала «Кубок СССР»

Больше 17 тысяч команд — от рядовой колхозной до чемпиона страны — участвовали в состязаниях за право обладать «Кубком СССР». Этот футбольный трофей вот уже 16 лет кочует из клуба в клуб.

Кубок, как известно, разыгрывается по олимпийской системе, кодекс которой открывает «зеленую улицу» для победителей и безжалостно опускает шлагбаум перед побежденными.

Много месяцев шла борьба на сотнях стадионов, в тридцатиградусную жару, в ливень, в мороз. Путь к победе не был легким, но при всех условиях и всех температурах спортивный накал соревнований был высок.

17 389 команд сложили оружие: одни в неравной борьбе, другие в равной и упорной борьбе, но «споткнувшись» о штрафной или угловой удар.

Лишь две московские команды промчались по «зеленой улице» к финалу: «Спартак» и «Торпедо» — старые, стреляные кубковые «воробьи».

И нет резона сравнивать эти команды по их последним показателям или делать статистические выкладки. Игры на «Кубок» имеют свои законы, в основе которых воля к победе.

Именно этим и можно объяснить успех футболистов «Торпедо». Их путь к финалу не был усеян розами. Уже первая игра с динамовцами Еревана, которая принесла победу в один мяч лишь при повторной встрече, показала, что в кубковых соревнованиях нет так называемых слабых соперников.

Последующие состязания их в этом убедили: игры с ленинаканскими футболистами общества «Строитель» и бакинским коллективом общества «Нефтяник» также потребовали напряжения сил, хотя и кончались победами с «сухим» счетом — 2 : 0 и 4 : 0.

В это время к финалу продвигались и другие команды. На пути «Торпедо» встали два ленинградских коллектива — «Зенит» и «Динамо». И они не выдержали наступательного порыва футболистов московского Автозавода имени Сталина: «Зенит» проиграл со счетом 1 : 3, а динамовцы, в добавочное время,— с результатом 1 : 2.

«Спартак» подошел к финалу, имея в своем активе победы над футболистами свердловского и киевского домов офицера и над московским «Динамо».

Так две столичные команды вышли на поле центрального стадиона «Динамо», у кромки которого стоял хрустальный «Кубок СССР», а по его сторонам — двое юношей: один в форме «Спартака», а другой в форме «Торпедо».

И когда началось последнее, финальное состязание, то зрители поняли, что борьба будет непримиримой, полной огня и страсти. И поняли, что ни одной из команд победа не дастся легко. Так и было.

Спартаковцы вели наступательные действия всей пятеркой нападения, которой много и полезно помогали полузащитники И. Нетто и О. Тимаков. Торпедовцы же избрали тактику неожиданных, быстрых прорывов то по центру, то по краям. Это было правильно, тем более что защитники «Спартака» (Н. Тищенко, В. Белов) плохо справлялись со своими задачами.

Атаки автозаводцев были острее. Вратарю «Спартака» В. Чернышеву приходилось проявлять максимум бдительности и большое мастерство, чтобы не пропустить мяч.

Хочется особо сказать об отличной обороне торпедовских ворот. Ее умно организовал капитан команды Августин Гомес, который не только хорошо справлялся со своей непосредственной задачей, но много помогал товарищам — Л. Тарасову и М. Бычкову — и хорошо сочетал игру с полузащитниками П. Соломатиным и Ю. Чайко. Он вел себя, как командир в минуты ответственного боя. Ворота «Торпедо» были «на замке».

За минуту до конца встречи наступила развязка: прорыв В. Петрова оказался решающим: мяч влетел в сетку спартаковских ворот. Счет — 1 : 0. Торпедовцы выиграли встречу, а вместе с ней и «Кубок СССР».

Зрители горячо приветствовали молодой коллектив футболистов московского Автозавода.

М. МАРТЫНОВ

За минуту до конца. ...Мяч идет в ворота «Спартака». Слева В. Белов (с белой полосой) и В. Петров. Вратарь В. Чернышев бросился, но поздно...

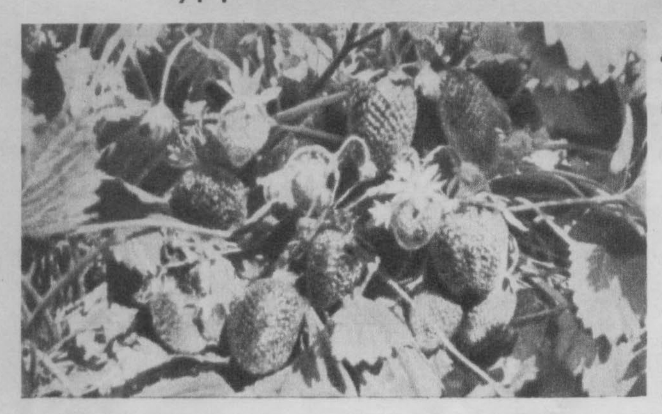
Кубок проигран. В. Белов догнал мяч лишь в воротах...

Ну и постарался... В. Чернышев (слева) и В. Белов возвращаются на свои места.

Фото О. Неелова

Чудо-земляника

В Главном ботаническом саду среди пожелтевшей осенней листвы радуют глаз крупные, румяные ягоды земляники. Только заморозки могут прервать плодоношение этих удивительно стойких кустов. Но если заблаговременно перенести их в теплицу или в комнату, то они будут продолжать дарить свои чудесные плоды.

Эти формы земляники называются: Ада, Неисчерпаемая, Сахалинская. Мы не знаем, откуда они произошли, кто их создатель и под влиянием какой внешней среды сложились у этих земляник такие замечательные биологические свойства.

Обычно известные сорта земляники — Мысовка, Рощинская, Комсомолка и другие — плодоносят всего 30 — 40 дней. Они закладывают цветочные почки лишь осенью, после плодоношения. Эти почки распускаются только через год, весной.

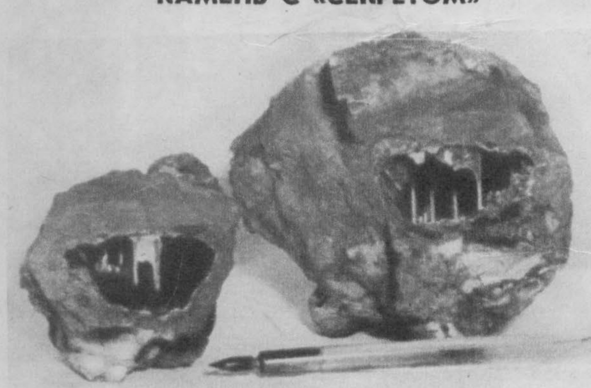
Совсем иначе ведут себя Ада, Неисчерпаемая, Сахалинская. Они начинают вторичное свое цветение уже в июле, и их цветение и плодоношение продолжаются в течение 120—130 дней, до глубокой осени, а при переносе растения в теплицу — до декабря. Ягоды дают не только маточные кусты, но и дочерние розетки в год их образования. Каждая ягода достигает веса в 15 граммов. Двухлетний куст может дать до 50 цветоносов и до 100 усов в год.

Мы разослали эти формы земляники в различные уголки нашей страны и получаем от многих опытников-мичуринцев восторженные письма.

В Калужской области последние ягоды Ады были сняты лишь 20 октября. В Калининграде любители получали в течение года три урожая вкусных ягод. В Фурманове, Ивановской области, каждый куст сорта Ада дал за вегетационный период свыше двух килограммов ягод.

Э. ШАКСЕЛЬ,
научный сотрудник Главного
ботанического сада Академии наук СССР

КАМЕНЬ С «СЕКРЕТОМ»

Пещера» в буром железняке.

Фото Ю. Добронравова

С виду это обычный кусок бурого железняка, как будто покрытого ржавчиной. Но если отодвинуть отколотую часть камня, внутри открывается полость, напоминающая пещеру, усыпанную крошечными блестящими кристалликами кварца. Сверху свисают сталактиты из того же кварца, а снизу, навстречу им, поднимаются кварцевые сталагмиты.

Эта «пещера» глубиной 10 сантиметров и высотой 3—4 сантиметра похожа на один из гротов знаменитой Кунгурской ледяной пещеры в миниатюре и является как бы природным ее макетом.

Эта уникальная минералогическая миниатюра найдена недавно начальником Уралгеолфонда Уральского геологического управления П. Корольковым на месторождении бурого железняка на Урале.

Тов. Корольков решил подарить свою интересную находку Уральскому геологическому музею Свердловского горного института имени В. Вахрушева.

Н. РОЗИНА

Свердловск.

ПОПРАВКА.

В заметке «Турбины мира», опубликованной в «Огоньке» № 45, ошибочно названа мощность гидротурбин для Куйбышевской и Сталинградской ГЭС. Мощность каждой из этих турбин составляет 126 тысяч киловатт.

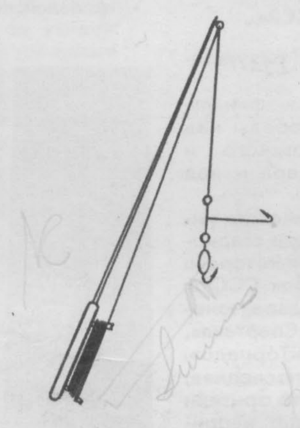
ОРИГИНАЛЬНАЯ РЫБОЛОВНАЯ СНАСТЬ

Рыболовы-любители С. И. Королев, И. В. Воронин и другие, проживающие в Мурманской области, вот уже в течение нескольких лет применяют оригинальную снасть при подледной ловле хариуса.

Небольшую блесну пристегивают к тонкому стальному поводку длиной сантиметров 8—10. К середине этого поводка под прямым углом прикрепляется второй такой же поводок длиной сантиметров 15—20. К концу второго поводка прикрепляется (припаивается) крючок такого же номера, что и на блесне. На крючки насаживаются черви. Вся снасть на леске сатурн сечением 0,4—0,5 миллиметра опускается в лунку под лед.

Ловить лучше всего на глубине 2—3 метров. За действием снасти можно вести наблюдение. Зимой, когда лед покроется снегом, его вокруг лунки необходимо расчистить, чтобы свет лучше проникал на дно водоема.

Глядя в лунку, можно видеть интересную картину. Хариус подходит к снасти и теребит червяка, но при этом предпочитает червяка,

надетого не на крючке блесны, а на крючке поводка-отростка.

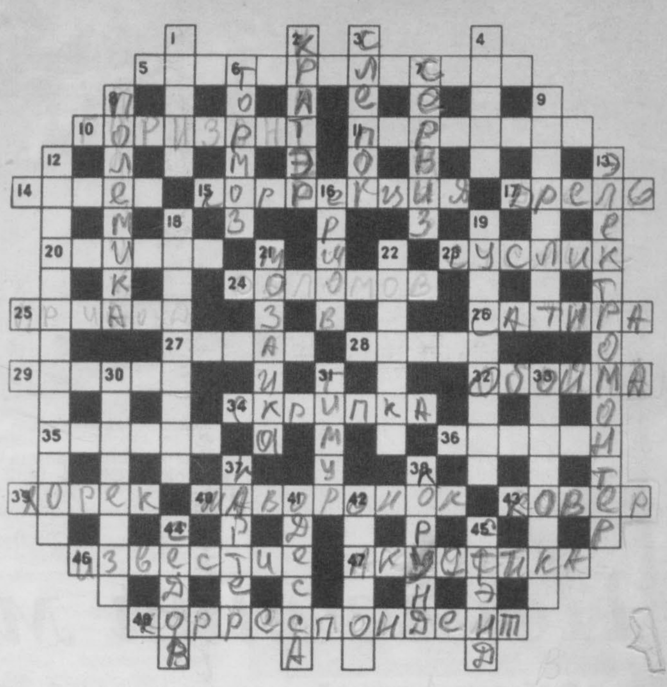
Рыболовы установили: из 100 пойманных ими рыб примерно только 6 рыб приходилось вытащить на крючок блесны, остальные попадались на крючок отростка. Крючок, опускаемый без блесны, такого успеха не имеет.

Опытные рыболовы не раз задумывались над тем, почему же так получается. И пришли к выводу, что блесна в данном случае служит отражателем, бросающим свет на второй крючок, на котором насажена приманка.

Товарищи Королев и Воронин высказывают мысль, что на такую снасть так же хорошо будут брать и другие рыбы.

С. МИНАЕВ

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Тип аэростата. 10. Видимая граница неба и земной или водной поверхности. 11. Фигурный знак. 14. Документ. 15. Поправка. 17. Механизм для вращения сверла. 20. Химический элемент. 23. Грызун. 24. Персонаж романа И. А. Гончарова «Обрыв». 25. Часть механизма, машины. 26. Вид художественной литературы. 27. Поворот. 28. Крупная летучая мышь. 29. Часть текста. 32. Рамка для патронов. 34. Музыкальный инструмент. 35. Представитель народности тюркской языковой группы. 36. Возбуждающее средство, лекарство. 39. Хищный зверек с ценным мехом. 40. Название одного из романсов М. И. Глинки. 43. Изделие из тяжелой узорчатой ткани. 46. Сообщение. 47. Отдел физики, учение о звуке. 48. Работник печати.

По вертикали:

1. Род красной краски. 2. Отверстие в вершине вулкана. 3. Отпечаток. 4. Город в Европе. 6. Приспособление для остановки механизма. 7. Набор посуды. 8. Спор. 9. Род прессованных плиток. 12. Композиция. 13. Профессия. 16. Русский писатель. 18. Волновая струя, остающаяся позади идущего судна. 19. Город на Украине. 21. Рисунок из разноцветных камешков, стекла, эмали. 22. Столбец. 30. Живое существо. 31. Герой произведения А. Гайдара. 33. Певчая птица. 37. Часть автомобильного или авиационного мотора. 38. Очень твердый минерал. 41. Город на побережье Черного моря. 42. Красноречивый человек. 44. Русский исследователь Арктики. 45. Место на заводе для испытания машин.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

3. Годун. 6. Богатство. 11. Велодром. 12. Радиатор. 14. Шлюз. 15. Миролюбие. 16. Шпат. 19. Родина. 20. Съезд. 22. Партия. 23. Артель. 24. Неруда. 28. Дельта. 29. Триер. 30. Юность. 33. Труд. 35. Торжество. 36. Приз. 37. Авангард. 38. Согласие. 41. Эскалатор. 42. Народ.

По вертикали:

1. Топаз. 2. Букса. 4. Мотоцикл. 5. Эвкалипт. 7. Теплоход. 8. Союз. 9. Марш. 10. Соратник. 13. Сланец. 17. Генератор. 18. Гражданин. 20. Салют. 21. Днепр. 25. Кемерово. 26. Пионер. 27. Сталинит. 31. Прогресс. 32. Новгород. 34. День. 36. План. 39. Канал. 40. Пафос.

ГИБРИД КОРОВЫ И ЗУБРА

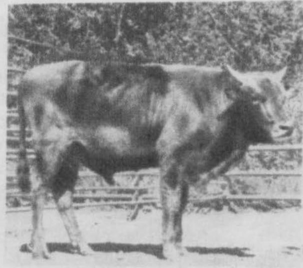
Год назад в алма-атинском зоопарке от простой алатауской коровы и зубра был получен интересный гибрид. Бычок весил 47 килограммов. На другой день его вес был уже 50, а еще через день — 53 килограмма.

— Пошел в отца, разбойник! — любовно говорили работники зоопарка.

«Разбойник», так и назвали его, действительно пошел в отца — зубра по кличке «Луган», весящего 2 тонны.

Зубры отличаются не только огромным ростом и силой. Они очень выносливы, нетребовательны к пище и мало восприимчивы к заболеваниям.

Мясо зубра по качеству не ниже, а, по мнению многих, даже выше говяжьего. Молоко самки содержит девять процентов жира.

Научные сотрудники зоопарка стремились вывести новых домашних животных, которые, сохранив все хорошие свойства зубров, были бы кроткими и давали так же много молока, как алатауская корова.

Первенец этой новой породы, «Разбойник», которому в сентябре исполнился год, весит уже 400 килограммов. Этот бык темнобурой масти послушен человеку.

Работники зоопарка продолжают свой интересный опыт.

Л. КРИВОЩЕКОВ

Фото И. Будневича

Алма-Ата.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, К. В. СМИРНОВ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61. Оформление И. Уразова.

А 07711. Подп. к печ. 10/XI 1952 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 500 000. Изд. № 921. Заказ № 2040. **Рукописи не возвращаются.**

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Комбайнер Кулдигской МТС комсомолка Эльвира Рунге. Ей присвоено звание «Лучший комбайнер Латвийской ССР».

Фото Ж. Легздиня

Цена 3 руб.